

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 42

1989

Лев ОВРУЦКИЙ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ДО И ПОСЛЕ ОВАЦИЙ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 42

Издается с января 1925 года

Лев ОВРУЦКИЙ

ДО И ПОСЛЕ ОВАЦИЙ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Лев ОВРУЦКИЙ

Лев Минович Овруцкий родился в 1946 году в Казани. Окончил историко-филологический факультет Казанского университета. Кандидат исторических наук. Работал токарем, лаборантом, сторожем, экспедитором, литсотрудником, учителем и пр., пр. Многие годы был на профсоюзной работе. Как публицист выступал в «Советской культуре», «Огоньке» и др. изданиях. Лев Овруцкий живет в Москве.

МЕРА ЗАКОНА И БЕЗМЕРНОСТЬ БЕЗЗАКОНИЯ

*Наш долг страшен и протяжен
кроваво-красным платжом.*

А. Вознесенский.

Записка Е. Яницкой, машинистке
Маяковского

Политический лексикон тяготеет к однозначности и потому избегает образности. О перестройке говорят — «свежий ветер», «ветер перемен». В лучшем случае, что граничит с поэтической вольностью, «свежий ветер перемен». Желая внести посильную лепту в процесс метафоризации, но не выходя в то же время за рамки метеосравнений, хочу уподобить перестройку весеннему дождю, смывающему серый налет катаракты с наших хрусталиков. Отчего взгляд делается острее и подробнее.

Прозревая, мы замечаем, что жизнь укрупнилась. Куда-то подевались рядовые события, сегодня каждое приобрело отчетливые значение и смысл. Но и в этом неординарном событийном ряду одно недавнее выделяется по ранжиру. Я имею в виду состоявшееся 4 февраля 1988 г. постановление Верховного Суда СССР об отмене приговора в отношении Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, А. П. Розенгольца, М. А. Чернова, П. П. Буланова, Л. Г. Левина, И. Н. Казакова, В. А. Максимова-Диковского, П. П. Крючкова и Х. Г. Раковского. В марте 1938 г. они были осуждены по делу о так называемом антисоветском «право-троцкистском блоке».

Крошатся старые догмы, достигшие ветхости гербария. Все чаще социальная справедливость оборачивается справедливостью исторической. Думаю, большинство читателей распрямит плечи и вздохнет с облегчением и надеждой. Осенит себя неким атеистическим эквивалентом крестного знамения: «Наконец-то». Верили, ждали. Минуло 50 без малого лет.

Дождались.

Правда — не только горькое, но и обжигающее аорту лекарство. Шадящая дозировка, если не бесспорна, то по крайней мере объяснима. Из памятки лекаря: с незажившей раны повязку срывай не разом, но осторожно и со смущением. Известно, как долго и скрупулезно разма- тывал Верховный Суд этот незамысловатый, казалось бы, клубок. Не след, говорят нам, нетерпеливым, толкать под руку и суетиться. Что ж, приемлю неспешность Фемиды, угадываю в ее фундаментальной повад- ке приметы неотвратимости.

Реабилитация — что веха на пути познания, о котором сказано: тяж- кий. Зарубка на память и на покаяние. Фамусовское «подписано, так с плеч долой» пригодно для подметного письма, но не для гласного опровержения.

Будем помнить.

У меня в руках «Судебный отчет по делу антисоветского «пра- во-троцкистского блока», изданный тогда же, в 38-м. Он доступен чита- телю в отличие, скажем, от отчета о 3 м съезде Советов, который поче- му-то угодил в спецхран. Серый, невыразительный томик. 385 страниц, и цена соответствующая: 3 руб. 85 коп. По копейке, выходит, за страни- цу. На старые, конечно, очень старые деньги.

Вы ш и н с к и й. К чему сводились ваши цели?..

Бу х а р и н. Прогноз сводился к тому, что будет большой крен в сторону капитализма.

Вы ш и н с к и й. А оказалось?

Бу х а р и н. А оказалось совсем другое.

Вы ш и н с к и й. А оказалась полная победа социализма.

Бу х а р и н. Оказалась полная победа социализма.

Вы ш и н с к и й. И полный крах вашего прогноза...

Бу х а р и н. И полный крах нашего прогноза.

Вы ш и н с к и й. Короче говоря, вы скатились к прямому оголтело- му фашизму.

Бу х а р и н. Да, это правильно... Позвольте перейти сразу к изложе- нию моей преступной деятельности...

А вот эпизод из «показаний» А. И. Рыкова:

Ры к о в. ...От СССР отходят крупнейшие национальные республи- ки...

Вы ш и н с к и й. Следовательно, это — расчленение СССР, оттор- жение от него ряда республик?

Ры к о в. Да.

Вы ш и н с к и й. Подготовка фашистам плацдарма для нападения и победы?

Ры к о в. Да, это несомненно.

В ы ш и н с к и й. Вы шли к своим преступным целям ценою измены?

Р ы к о в. Конечно.

Как в это поверил народ? Вот вопрос вопросов, и над ним взволнованно размышляют публицисты.

В то время были предельно обострены классовые инстинкты, пишет один из них. С этим трудно согласиться. Классовый инстинкт выражается, по-видимому, в том, что своего безошибочно отличают от чужого. Здесь же, как в театре абсурда, революционера принимают за вредителя, большевика — за шпиона. В пору говорить не об обострении классового инстинкта, а о его атрофии.

Средневековые отоларингологи донесли до нас любопытные наблюдения. Оказывается, когда в очередной раз начиналась «охота на ведьм», многие начинали вздрагивать ноздрями, явственно ощущая запах серы. Что отнюдь не свидетельствовало об обострении нюхательного инстинкта. Как, впрочем, и об избытке серы в атмосфере.

В поисках ответа нельзя забывать, что согласно обычному летосчислению 38-му году предшествовал год 37-й. С заворазивающей методичностью люди исчезали из дома на набережной и из тысяч и тысяч других домов. Эти преступления, сказано было с высокой трибуны, не подлежат забвению и прощению. Но преступления имеют свойство порождать будущи разоблаченными — праведный гнев, оставаясь безнаказанными — всепроникающий страх.

И страх этот не связан с мерой понимания происходящего, ему одинаково подвержены ученый мудрец и безвестный землепашец, впадающий в ступор при слове «гидроэлектростанция».

Греки, сообщает Монтень, различали особый вид страха, который не зависит от наших мыслительных способностей. Такой страх, по их мнению, возникает без всяких видимых оснований и является внушением неба. Он охватывает порой целый народ.

Имя небожителя, внушавшего страх, нам ведомо. Равно и особые его приметы: лицо — рябое, рост — ниже среднего, воинское звание — генералиссимус.

Страх вершил метаморфозы: убежденность и вера трансформировались в слепые верования, надежда — в иступленное радение. Искренние аплодисменты приобретали обморочную длительность оваций, благороднейший энтузиазм смыкался с болезненной экзальтацией. Страх заставлял мыслить немыслимое: отец твой — враг твой, брат твой — Кайн, мужа своего — разоблачи. Отчего бы, в самом деле, и не вообразить, что кто-то там шпион и вредитель. Тем более, что излагает, вражина, как по писаному:

В ы ш и н с к и й. Подытожим кратко, в чем вы себя признаете виновным по настоящему делу.

Шарангович. Во-первых, что я изменник родины.

Вышинский. Старый польский шпион.

Шарангович. Во-вторых, я заговорщик. В-третьих, я непосредственно проводил вредительство.

Вышинский. Нет, в третьих — вы непосредственно один из главных руководителей национал-фашистской группы в Белоруссии и один из активных участников «право-троцкистского антисоветского блока».

Шарангович. Правильно. Потом я лично проводил вредительство.

Вышинский. Диверсии.

Шарангович. Правильно.

Председательствующий (Ульрих). Организатор террористических актов против руководителей партии и правительства.

Шарангович. Верно.

Председательствующий. И все это совершал в целях...

Шарангович. И все это совершал в целях свержения Советской власти, в целях победы фашизма, в целях поражения Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами.

Председательствующий. Идя на расчленение СССР, отделение Белоруссии, превращение ее...

Шарангович. Превращение ее в капиталистическое государство под ярмом польских помещиков и капиталистов.

Бред — не колеблясь поставит диагноз читатель.

Это вы нынче больно смелыми стали, возразит некий полупочтенный член домового комитета, с неизъяснимым упорством именующий современную молодежь «современной молодежью».

Но это приметы сегодняшнего дня, а вчера верили бреду как откровению, ибо страх сообщал разумному и осмысленному бытию черты фантазмагии. Маркс, между прочим, писал об иррациональности, присущей душе буржуа. Не исключено, что в определенные моменты непереносимого исторического напряжения иррациональность, род недуга, снисходит и на рабоче-крестьянскую душу. Об этом стоило бы подумать нашим социологам и психологам. Возможно, научные изыскания позволят установить, что именно страх суть генератор, возбуждающий иррациональное поведение.

Герценовский доктор Крупов меланхолично замечает, что история — это автобиография сумасшедшего. Тут старик обобщил неправомерно и, конечно же, «загнул». Но в то же время в его парадоксальных суждениях есть нечто, имеющее касательство к нашей теме. «Историки, — пишет он в своем сочинении о душевных болезнях, — будучи большей частью не врачами, не знают, на что обращать внимание; они стремятся везде выставить после придуманную разумность и необходимость всех народов и событий; совсем напротив надобно на историю взглянуть с точки зрения патологии, надобно взглянуть на исторические лица

с точки зрения безумия, на события — с точки зрения нелепости и ненужности».

Пожалуй, на точке зрения нелепости и ненужности политических процессов 30-х годов мы уже утвердились. Осталось взглянуть «с точки зрения безумия» на вершителей громких «дел», устроителей варфоломеевских лет.

Вот один из них — Г. Г. Ягода. Человек среднего роста, на вид уравновешенный, деловитый, с убегающим подбородком и подстриженными усиками — так его описывают современники. Член партии с 1907 года. Партийную работу вел в Нижнем Новгороде и Петрограде. В 1919—1922 годах — член коллегии Наркомвнешторга; с 1920-го — на руководящей работе в ВЧК, ГПУ—ОГПУ, НКВД. На XVII съезде партии был избран в ЦК. В мае 1934 г. стал председателем ОГПУ, наркомом внутренних дел, в сентябре 1936-го последовала отставка, имевшая вид перевода на должность наркома связи. В 37-м — вывод из ЦК, исключение из партии, арест.

Читатель, полагаю, обратил внимание на то, что протест в отношении Г. Г. Ягоды, проходившего по делу об антисоветском «право-троцкистском блоке», Прокуратурой СССР не приносился.

Каждый легко поймет чувства, обусловившие это решение. Ведь Ягода — предтеча «ежовщины», организатор так называемого «кировского потока» и многих других. И сам пал жертвой дьявольского механизма, который столь тщательно отлаживал.

Признаюсь, пристрастен. У меня, как у многих, свой счет к этому человеку и иже с ним. Свой мартиролог, свой поминальник. В те приснопамятные годы четверо моих дядьев были обвинены в шпионаже в пользу Ирана. Трех, сознавшихся, расстреляли. Четвертому, молодому и сильному, повезло. Что с ним ни делали — отпирался и счастливо отделался «четвертаком». Он был неграмотный, как не преминул бы заметить Бабель, до глубины души. Работал балагулой, то есть ломовым извозчиком, в городе Крыжополь, что на Украине. Городок сей славен яблоневыми садами и потому, наверное, представлял особый интерес для иранской разведки.

Дядя Яша вернулся в 56-м, жить ему оставалось недолго. Увидев на столе у меня, третькласника, глобус, попросил: «Слушай, покажи мне, наконец, где этот Иран?» Никогда, ни до, ни после, не встречал я человека, так долго, так молчаливо, так сосредоточенно разглядывавшего индифферентный желтый ромбик на ученической карте. Играл желваками, постигал ближневосточную диспозицию.

И все же, все же, все же...

И с какой скорбной силою ни стучал бы пепел Клааса в наши сердца, те, кто превратил Клааса в пепел, ответственны и да судимы будут за аутодафе, а не за ограбление бакалейной лавки. Разве что по совокупности.

Ягода «признал» себя виновным в том, что был одним из руководителей «право-троцкистского подпольного блока», преследующего цель свержения Советской власти и восстановления в СССР капитализма. Ягода «взял» на себя вину в шпионаже и передаче государственных средств Троцкому, в организации убийства Менжинского, Куйбышева, Горького, в покушении на жизнь Ежова путем опрыскивания ядами штор в его кабинете (как убога фантазия обвинителя!).

Он давал, как явствует из «Судебного отчета», преступные поручения людям, чья невиновность сегодня удостоверена Верховным Судом. Вручая склянки с ядом невидимкам, заговорщицки переговариваясь с пустотой, Ягода застыл над вечностью, как вопросительный знак. Чеховский Фирс, забытый в заколоченном доме, трагичен. Одиноким Ягода, блуждающий среди томов дела о «блоке», комичен. И комичность эта унижает правосудие.

Учиться демократии — это значит, в числе прочего, в делах и помыслах не выходить за пределы законности. В идеале, с каковым мы связываем представление о деятельности высшей надзорной инстанции, нравственность полностью заключена и растворена в законе, а не пребывает в нем инородно, в виде взвеси или осадка. Возникающие здесь коллизии высвечивают либо ущербность этических императивов, либо несовершенство законодательных норм.

Библейский принцип — какой мерой мерите, такой и вам отмерится — обнаруживает свою недостаточность, соприкасаясь даже с обыденной моралью. Помните «золотое правило» довоенной сталинской стратегии: «На удар врага ответим тройным ударом!»

А на удар ниже пояса?

На низость — низостью, на гнусность — гнусностью, на подлость — подлостью?

Нет. Безмерность беззакония противостоит единственно лишь мера закона. Апеллируя к закону, мы тем самым обозначаем грань между местью и возмездием. Правосудие одно — для святых и святош, для убийц и убиенных. Правосудие неделимо, как неделимы истина и справедливость. Иск, вчиняемый именем миллионов, должен быть бесспорным.

НЕ БРОСАЯ ТЕНИ НА ЖИВЫХ И НЕ ОТНИМАЯ ЧЕСТИ У МЕРТВЫХ

Растущий интерес к отечественной истории возродит, не сомневаясь, утраченное, казалось бы все, ощущение принадлежности к ней. Этот процесс пойдет тем быстрее, чем прочнее в общественном сознании откристаллизуется: поступки живут дольше жизни, слова остаются, рукописи не горят. Огляд на суждение потомков постепенно трансфор-

мируется из дежурной риторической фигуры в один из реальных факторов, определяющих наше поведение.

Уже сегодня скептический прищур истории ощутили те, кто еще так недавно бесчестился напрапалую, уверяя нас и себя, что живем снова. Уже сегодня наперсники разврата со смущением чуют, что поэт прав: есть, есть божий суд. И тогда одни из них каются, другие погружаются в угрюмое молчание, третьи истово тшцатся доказать, что суд этот — несправеден.

Что произошло? В 48-м номере «Огонька» за прошлый год были напечатаны воспоминания Анны Михайловны Лариной, дочери Ю. Ларина и вдовы Н. И. Бухарина. Прекрасные, бесхитростные мемуары, помогающие хоть в какой-то мере сократить стойкий меж людей дефицит правды, совести и стыда.

Проходит почти полгода (не скоро пули отливаются), в «Литературной газете» (№ 14, 6 апреля) появляется статья Ю. Максимова «Ретушь трагедий?». Все не нравится ему в огоньковской публикации, начиная с эпиграфа, взятого из доклада М. С. Горбачева на праздновании 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции: «Важную роль в идейном разгроме троцкизма сыграли Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, С. М. Киров...» По мнению Ю. Максимова, верное направление воспоминаниям А. М. Лариной было бы задано, кабы эпиграф начинался упоминанием о Сталине, возглавившем руководящее ядро партии.

«Почти все есть в этой обширной публикации, — иронизирует автор, — и пророчества немецкой хиромантии, наворожившей Бухарину гибель в его собственной стране, и занявший чуть ли не треть материала рассказ о его тесте, «пламенном революционере» Ларине, и умилительная история любви несовершеннолетней девочки к умудренному жизнью члену Политбюро...»

Его не интересует, как он пишет, «был или не был Бухарин «плаксивой бабой», сколько у него оказалось костюмов, как развивались его взаимоотношения с Анной Михайловной и даже «клавиатура его душевных струн» — то есть все то, что, собственно, и составляет предмет мемуаристики. При чем тут, в самом деле, душа человеческая, когда речь идет о политике?

Вспомним, сколько за прошедшие полвека написано статей и книг о мнимых и действительных ошибках Бухарина? Тысячи? Десятки тысяч?

Все равно мало, мнится Ю. Максимова.

А сколько за этот срок издано воспоминаний о Бухарине? Одно-единственное. В «Огоньке».

И одного много — считает Ю. Максимов. И в доказательство цитирует своего корреспондента, сомневающегося, «не назван ли город Буха-

ра в честь дорогого товарища Бухарина». Уверен, что максимовскому корреспонденту никогда не случалось усомниться в том, что сталь названа в честь дорогого товарища Сталина.

Думалось, глумливый этот тон давно стал тяжким преданием. Оказалось, то наша иллюзия, и не будем ею тешить себя.

С «особым» чувством Ю. Максимов перечисляет характеристики Ю. Ларина, содержащиеся в огоньковской публикации: «прошедший особый героический жизненный путь», «стоявший у руля государства», «у колыбели советской экономической политики». «Давайте,— предлагает он,— обратимся к тому, что говорит об «особом героическом жизненном пути» сухая энциклопедическая объективка: «В 1904 году бежал из ссылки и эмигрировал в Женеву, где примкнул к меньшевикам... В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор, участник антипартийного августовского блока... После Февральской революции возглавил группу меньшевиков-интернационалистов, издававших журнал «Интернационал»... В августе 1917 года вступил в большевистскую партию».

Хочу попросить прощения у моего оппонента на тот случай, вернее, случаи, когда в ходе изложения мне придется время от времени прибегать к непарламентским жестам и, что называется, ловить его за руку. Что поделаешь, с непарламентариями жить...

Дело в том, что «объективка» благодаря невинным, казалось бы, отточиям приобретает вид — как бы это помягче сказать — законченной «необъективки». В действительности дооктябрьский путь Ю. Ларина в энциклопедических изданиях выглядит несколько по-иному. «В революционном движении с 1901 года. В 1901 году руководил одесской студенческой организацией. В 1901—1902 годах организовал Крымский союз РСДРП. Неоднократно подвергался арестам. В 1902 году сослан на 8 лет в Якутию. В 1904 году бежал из ссылки и эмигрировал в Женеву, где примкнул к меньшевикам. В 1905 году приехал в Петербург, участвовал в основании первых русских профсоюзов. В 1906—1907 годах руководил Киевской областной социал-демократической организацией. В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор, участник антипартийного августовского блока. В 1907—1913 годах вел нелегальную партийную работу в Крыму и на Кавказе. В 1913 году арестован в Тифлисе, после почти годичного заключения был выслан за границу. В годы первой мировой войны стоял на позициях интернационализма. После Февральской революции возглавил группу меньшевиков-интернационалистов, издававших журнал «Интернационал». В августе 1917 года вступил в большевистскую партию».

Красноречивые отточия делает Ю. Максимов, не правда ли?

Характерно, что он не находит нужным привести справку о послеоктябрьской деятельности Ю. Ларина. А стоило бы. «После революции — член Президиума ВСНХ, Президиума Госплана. Член и кандидат в члены ВЦИК и ЦИК ряда созывов. Делегат VII, VIII, IX, XIII, XIV

съездов партии. Автор книг, брошюр, статей по истории партии, Советского государства, по вопросам социалистической экономики и др. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены».

Какой такой «героический жизненный путь», откуда взялся «пламенный революционер»? — вопрошает Ю. Максимов, «забывая» сообщить о ссылке, тюрьме, арестах, побегах, годах нелегальной работы. С чего это вам взбрело в голову, что Ю. Ларин был в числе тех, кто «стоял у руля государства», «у колыбели советской экономической политики»? — удивляется он, «забыв» упомянуть, что речь идет об одном из организаторов и руководителей ВСНХ и Госплана, члене ВЦИК и ЦИК, делегате многих партийных съездов, погребенном у Кремлевской стены. Подобная «забывчивость» заставляет вспомнить Ларошфуко: «Все жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой разум».

Почему Ю. Максимов ограничивает «объективку» дооктябрьским периодом? Да потому, что в послеоктябрьском отсутствует то, что ищется. Любые отточия бесполезны и любая купюра бессмысленна, ибо остающееся все равно не будет работать на тот «образ» Ю. Ларина, который лепит автор. Поэтому он пытается подкрепить свою исходную посылку ленинскими оценками.

Вот как это делается. Цитируется, к примеру, письмо Ленина к А. А. Иоффе: «Ларин — мечущийся интеллигент, ляпала первосортный. Поэтому будьте архиначеку со всеми этими премильми и прекрасными делегатами». При этом Ю. Максимова ничуть не смущает ничтожное грамматическое несоответствие: как бы Ларин ни «метался», русский синтаксис вряд ли позволил бы Ленину назвать его «делегатами». На самом же деле Ленин пишет: «Бухарин лоялен, но зарвался в «левоглупизм» до чертиков. Сокольников свихнулся опять. Ларин...» — и только далее по Ю. Максиму.

По какому поводу Ленин информирует Иоффе о «зарвавшемся до чертиков» Бухарине, «свихнувшемся» Сокольникове, «ляпале первосортном» Ларине? Может быть, речь идет о консультации у психиатра? Ничуть не бывало. Члены ЦК Н. И. Бухарин, Г. Я. Сокольников, член ВСНХ Ю. Ларин направляются в составе советской делегации для ведения переговоров о заключении экономического соглашения с Германией. Об этом и пишет Ленин советскому представителю в Берлин, отмечая для пользы дела их недостатки: один грешит «левизной», другой слишком эмоционален, третий недостаточно собран и деловит.

Вряд ли Ю. Максимов подвергает цитату «усечению», блудя реноме Бухарина и Сокольникова. Скорее всего он не умеет понять противоречие между ответственностью их миссии и теми «ядовитыми» характеристиками, которыми наделяет их Ленин.

Между тем очевидно, что многие колкие и порой бранные его слова нельзя воспринимать буквально. Стиль ленинской переписки с политическими единомышленниками представляет собой, помимо прочего, смесь словечек, почерпнутых из студенческого жаргона, «буршикозных»

идиом, юмористических преувеличений. Этот стиль сложился в течение долгих лет нищего эмигрантского братства. Он грубоват, это верно, но этот недостаток, как замечал Владимир Ильич, вполне терпим «в среде и в обхождениях между нами, коммунистами».

Надо учесть, что Ленин был начисто лишен «вождизма», коему при-сущ уныло-непогрешимый канцеляризм формулировок. Он мог вспыхнуть в гневе и «разрядиться» в архиэнергичных выражениях, тем более что существовал в пространстве невероятных напряжения и спешки.

Наконец, следует сопоставлять ленинские слова и дела. Тогда и только тогда будет ясно, как относиться, допустим, к «ляпале первосортному», которому поручается важное государственное дело.

Из писем Ленина Г. М. Кржижановскому, как изюм из сдобы, извлекается: «нахал», «враг», «врет», «архиловок». По поводу этого сюжета А. Лацис («Известия» № 103, 11 апреля) замечает: «...Не объяснено, что в данном случае говорилось не о классовом враге, а всего лишь об оппоненте, о противнике в газетной полемике. Речь шла о том, как выгоднее построить ответ Кржижановского на колкую статью Ларина, помещенную в «Правде».

Приводится определение: «нахал», «архиловок». Почему «нахал» — в кавычках? Очевидно, потому, что это определение дано «пострадавшим» от ларинской статьи в «Правде» Кржижановским. А суть данного ленинского высказывания в том, что Ю. Ларин — опытный, умелый полемист. Вот в каком смысле он «архиловок».

Остается добавить, что статья члена Госплана Ю. Ларина «Тайны советской промышленности» с резкой критикой своего ведомства (своего! — нашим бюрократам этого никогда не постигнуть) появилась в «Правде» в июне 1921 года, а уже в ноябре «архиловкий враг и нахал» становится членом Президиума Госплана. Это я имею в виду, когда говорю: чтобы избежать буквализма в трактовке ленинского эпистолярного наследия (в публичных выступлениях и статьях Владимир Ильич был очень корректен и деликатен, критикуя товарищей), необходимо сопоставлять слова и дела, то есть оргвыводы, которые из слов проистекают.

(Замечу в скобках: когда Ленин в сердцах пишет А. Д. Цюрупе, что ведомство — дерьмо, декреты — дерьмо (выражение, цензурности ради, на порядок смягчено), то нам не след хватать ручку и строчить в ленинскую «объективку», что было, дескать, допущено клеветническое уподобление Советского государства и права содержимому выгребной ямы.)

«Да... «ляпала первосортный», «нахал», «враг»... Нет, не жаловал Владимир Ильич... явно не жаловал». Это, как читатель понимает, вывод Ю. Максимова.

Проще всего было бы опровергнуть этот вывод ленинскими же оценками. Например, на XI съезде РКП(б) Ленин отмечает «его (Ларина. — Л. О.) громадные знания, умение увлечь людей», подчеркивает, что «в его преданности и знании дела и тени ни у кого нет сомнения»...

В письме к Л. Б. Красину, «нужные» выдержки из которого Ю. Максимов приводит, Ленин просит: «Берегите его (Ларина.— Л. О.) здоровье, лечите лучше, назначьте ответственного врача». Отчего бы, спрашивается, столь теплая забота о «нахале» и «враге»?

В письме к А. С. Енукидзе, которое также с «должными» изъятиями цитирует Ю. Максимов, Ленин так характеризует Ю. Ларина: «Хороший парень,— как поэт, как журналист, как лектор. Но мы, дураки, ставим его к законодательной работе и этим портим, губим и его, и работу».

«Громадные знания», «уменье увлечь людей», «преданность», «хороший парень», «берегите его здоровье»... Да, жаловал Владимир Ильич Ларина. Выходит — жаловал.

Смысл статьи Ю. Максимова прозрачен. Под сурдинку, «фуксом» идет «подыгрыш» тем, кто полагает: Сталин зря не расстреливал, что-то ведь было, сами-де виноваты. Не «ловчили» бы да не «нахальничали»... Чтобы убедить в этом читателя, проводятся весьма рискованные параллели.

Скажем, пишется такое: «Сейчас вот нередко вспоминают нелестным словом высказывания о литературе А. А. Жданова. А ведь у него был предшественник (имеется в виду Н. И. Бухарин.— Л. О.). И если у нас есть «обиженные» за Ахматову и Зощенко, то почему не может быть таких же «обиженных» за Есенина?»

Невероятно! Как же можно развести «обиженных» за Ахматову и Зощенко и «обиженных» за Есенина и других крестьянских поэтов? Сострадание, горечь, скорбь неделимы. Тот, кто скорбит о поэте, не может не сострадать миллионам сосланных и «раскулаченных». Принявшим мученическую смерть на сибирских лесоповалах и колымских нарах, в голодающих селах Украины и Казахстане. Прошедшим круги бериевского ада в тюрьмах и на этапах.

Может ли быть иное? И можно ли предполагать, что может быть иное?

Ю. Максимов отваживается на такое предположение для того, чтобы поравнять Бухарина и Жданова, представить первого предтечей второго. Он приводит длинную цитату из статьи Бухарина, посвященной Есенину и «есенинщине». Статья эта, бесспорно, грешит полемическими преувеличениями, столь свойственными стилю Бухарина. «Не напоминает ли вам,— спрашивает Ю. Максимов,— стиль этой, с позволения сказать, художественной критики известные выступления Жданова?»

Нет, не напоминает. Надо же в конце концов различать полемические перехлесты от политических приговоров. Константин Симонов в опубликованных недавно мемуарах описывает Н. И. Бухарина на Первом съезде советских писателей: «Сначала на Бухарина наскакивали наши поэты... Говорили хлестко, смело, задиристо...»

«Наскакивали» ли на Жданова наши поэты? Говорили поэты со

Ждановым «хлестко, смело, задиристо»? И — самое главное — разрешали им после этого писать и печататься, быть свободными и живыми?

В длинном перечне теоретических упущений и политических прегрешений Бухарина, занявшем в статье большой абзац, отсутствует известное указание Ленина, что он «никогда не понимал вполне диалектики». Сделано это, разумеется, неспроста, а во избежание нежелательного Ю. Максимова «ретуширования». Ведь тогда пришлось бы напомнить читателю, что «...Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии...» Пришлось бы объяснять, в чем же ценность для партии крупнейшего ее теоретика Бухарина и как могло произойти, что твердокаменные большевики, утратив бдительность, полюбили человека, не вполне понимающего диалектику. А этого автор не желает, да и не умеет.

Он возмущен тем, что в мемуарах вдовы Бухарина не сказано, что он до революции «занимал антиленинские позиции в вопросах о государстве, о диктатуре пролетариата, о праве наций на самоопределение, доказывал невозможность победы социалистической революции в России». Как видно, критик пребывает в несокрушимой уверенности, что Анне Михайловне надлежит делиться с читателями не воспоминаниями своими о Николае Ивановиче, а надерганными из многочисленных «объективов» сведениями о его ошибках.

Ох, уж эти «антиленинские позиции»! Ленин вспоминает: «...когда я сам был эмигрантом (больше 15 лет), я несколько раз занимал «слишком левую» позицию (как я теперь вижу). В августе 1917 г. я также был эмигрантом и внес в Центральный Комитет нашей партии слишком «левое» предложение, которое, к счастью, было начисто отклонено. Естественно, что эмигранты часто стоят на «слишком левых» позициях». Но то, что «естественно» для эмигранта Ленина, непозволительно, по разумению Ю. Максимова, эмигранту Бухарину. Более чем непозволительно — криминально.

Между тем в письме к А. А. Иоффе Ленин констатирует: «Старый Цек (1919—1920) побил меня по одному из гигантски важных вопросов, что Вы знаете из дискуссии. По вопросам организационным и персональным несть числа случаям, когда я бывал в меньшинстве. Вы сами видели примеры тому много раз, когда были членом ЦК».

«Несть числа» означает, что среди людей, которых мы привычно объединяем понятием «ленинская гвардия», по-видимому, было очень мало тех, кто по тем или иным вопросам теории, политики или практики не занимал бы время от времени «антиленинских позиций». Сам этот термин своим происхождением обязан Сталину, годам, когда появилась нужда в «шитье дел» старым революционерам. Во времена Ленина, как это хорошо известно, политическая практика скорее исключала, чем предполагала всегдашнее и полное единодушие. Беспрепятственно дозволялось занимать антиленинские, антибухаринские, антиларинские, антикаменевские и прочие позиции, лишь бы питались они страстным

порывом к социализму и поверялись самоотверженным служением революции.

Читающий Ленина не может не обратить внимания на именные указатели. Почти везде следы участия в различных оппозициях, занятия в том или ином вопросе «антиленинских позиций», прочих ошибок. «Левыми коммунистами» были, помимо Н. Бухарина, И. Арманд, А. Бубнов, В. Куйбышев, И. Вардин, А. Ломов, М. Покровский, А. Сольц, М. Урицкий, В. Яковлева, Е. Ярославский. В «военной оппозиции» участвовали К. Ворошилов, Ф. Голощекин, Р. Землячка, А. Мясников и др. Среди членов «рабочей оппозиции» находим А. Коллонтай и А. Шляпникова. Что ни имя, то легенда. Но у всех, увы, «что-то было»...

Зато с воцарением Сталина завелась у нас доселе небывалая порода никогда не ошибающихся политических деятелей. Из характеристики в характеристику, а оттуда — в некрологи кочевала фраза: «На всех постах, которые доверили имярек партия и правительство...» Бытует штамп этот и по сей час.

Во времена сталинизма отлились в тип и, по словцу Меринга, «попы марксистского прихода». Назвали их «теоретиками». С «Кратким курсом» наперевес, осторожными перебежками от цитаты к цитате они достигали кандидатских рубежей. Тем же манером, но уже не о «корифее всех наук», а о том, как нашему поколению славно будет жить при коммунизме, изготовлялись докторские диссертации. Наконец, на свет являлись фолианты об экономике, долженствующей быть экономной, толщина которых сокрушала твердь академического Иерихона. И все это, заметьте, без единой, даже стилистической, оплошности.

Энциклопедические словари, до которых Ю. Максимов такой охотник, полны описаний подобных идеологически выдержанных научных карьер. На фоне этих «титанов мысли» Бухарин, разумеется, выглядит жалким троечником. Но я бы, честно говоря, отдал бы их дюжину за самую грубую ошибку Бухарина. Ибо его ошибки — это главное — честны. Почетны, как увечья, полученные в сражении за истину. Они стимулируют научный поиск. Преодолевая искренние заблуждения Бухарина, наука будет, несомненно, возвышаться.

Диссертации же и монографии, о которых я упомянул, безупречны, как безупречна банальность. Стерильны и по этой причине бесплодны. Безусловно истинное утверждение «Вережка есть вервие простое», тысячекратно повторенное, способно «привести в состояние духа», как изъяснял чеховский Епиходов, но не дает приращения знаний. Сочинения сии писаны не из органичной потребности познать непознанное, а в робкой надежде угадать «чего изволит».

Читатель, надеюсь, рассудит, какими побуждениями руководствовался Ю. Максимов, берясь за перо. Почерпнута ли его точка зрения лишь из самой исторической науки? Не продиктована ли его попытка свершить нечто противоположное тому, что он называет ретушированием, «чуждыми науке», по словам Маркса, «внешними для нее интересами»?

В статье «Ретушь трагедии?» автор хотел, по-видимому, показать нам, как ретушируют трагедии. Но что-то ему помешало это сделать.

Пытаясь очистить трагедию от того, что ему показалось ретушью, он неудачно выбрал инструмент: вместо ластика — ком грязи.

«...Право же, Бухарин заслуживает большего внимания, большей серьезности», — снисходительно роняет Ю. Максимов... кому? Анне Михайловне Лариной, 50 лет твердившей про себя «завещание» Н. И. Бухарина, чтобы донести его до нас!

«Трагичность его личной судьбы глубоко волнует, потрясает», — словно спохватившись, замечает автор. Литературное мастерство, с каковым удалось ему утаить от читателя «волнение», а равно и «потрясение», право же, подкупает.

Как мы недавно с изумлением узнали, на рубеже третьего и четвертого годов перестройки одна «читательница» уважаемой газеты внезапно обнаружила, что не может поступаться принципами. Похоже, не одной ей не может. Понимаю.

Не без опаски в статье повествуется о возвращении в общие фонды библиотек работ Н. И. Бухарина. Нас предостерегают от «сомнительных посредников», которые могут помешать «определить для себя подлинную их значимость». Перечитав еще раз «Ретушь трагедии?», нахожу данное предостережение резонным.

«Антиленинская позиция» отвращает Ю. Максимова сильнее, чем правоверного католика — смертный грех. Боюсь его огорчить, но, возможно, в вопросе об оценке Ю. Ларина и Н. Бухарина с ним как-то незаметно эта беда приключилась.

В «Апологии истории» Марк Блок писал о желании «уберечь целомудренную Клио от слишком жгучих прикосновений». В пору озаботиться и тем, как избавить Клио от касаний, оставляющих на ее хитоне сальные пятна.

Шекспировский могильщик мог сказать о мертвеце: «Чума его разнеси, шалопая сумасбродного!» Жутковато, но терпимо. Непереносимо, однако, когда некрофобскую интонацию усваивает современный публицист, да еще в отношении незаслуженно полузабытого Ю. Ларина и только-только возвращающегося из пятидесятилетней ссылки в ложь и клевету Н. Бухарина.

Бедный Иорик, если вдуматься, был не так уж и беден: в отличие от Бухарина он умер в постели и ведал роскошь обладания собственной могилой.

Бог весть, научимся ли мы когда-нибудь вести спор о самых острых

проблемах с достоинством, подобающим гражданам своего отечества. Честно и непредвзято. Без бессмысленных подозрений и атавистических страхов. Не бросая тени на живых и не отнимая чести у мертвых.

ДО И ПОСЛЕ ОВАЦИЙ

Мысль Ленина о том, что год революционных преобразований равен десятилетиям сонной, застойной жизни, находит себе подтверждение все чаще. За три прошедших года мы значительно продвинулись в понимании диалектического единства «верхов» и «низов». Все далее в прошлое уходит полупатриархальный, полуфельдфебельский расклад, согласно которому партия безапелляционно указывала «Надо!», а народ мгновенно становился во фрунт: «Есть!» Необходимое в политике единство действий сегодня органично дополняется тем, что некоторые хотели бы если не вычеркнуть, то подзабыть, — свободой мнений. Она сегодня распространена столь широко, что даже с давнего лозунга «Дело партии — дело народа!» опадает риторическая шелуха.

Съезды партии — вехи ее истории и моментальные рентгеновские просвечивания. Читая стенографические отчеты, переходишь из эпохи в эпоху: ленинская, сталинская, хрущевская, брежневская.

Я нарочно беру VIII и XXVI съезды — две крайние точки развития партии. Что собой представляла партия в 1919 году? Она скромна и демократична. Члена ЦК не отличить от рядового делегата, а доклад Ленина критикуется так непринужденно, будто это председатель профкома отчитывается о выполнении коллективного договора.

Партия деловита и работоспособна. Съезд создал организационную, аграрную и военную секции, где подробно рассматривались соответствующие вопросы. Затем эти же вопросы обсуждались на пленуме съезда, и по каждому создавались комиссии для выработки резолюций. Проекты резолюций (их было 13) зачитывались пункт за пунктом и пункт за пунктом же обсуждались. Вносились поправки, проекты после обмена мнениями ставились на голосование и либо принимались, либо отвергались. Точно так же шла работа над проектом Программы партии: сначала доклады Ленина и Бухарина, затем 12 выступлений в прениях, работа программной комиссии, зачитание параграфа за параграфом с подробным изложением мнения комиссии по каждому из них, поправки, голосования.

Это было великолепной работой. Живых трансляторов демократических традиций тех времен уже нет, но остались документы, к чтению которых и приглашаю.

Прошу прощения, буду цитировать подробно, ибо замечая, как крепнет иллюзия, будто в ленинской партии пребывала исключительно ленинская гвардия. Иллюзия эта идет от потребности в нравственной опоре, когда спускаешься в сталинскую преисподнюю. Но, откуда бы

она ни шла, нужно от нее отказаться и видеть правду такой, какая она есть. Партия — ленинская, но не потому, что в ней нет примазавшихся, а потому, что о них говорят во весь голос и изгоняют прочь.

Ногин: «...Пора все-таки на этом съезде сказать еще другую истину: что наша партия опустилась, что работники на местах и в центре ведут себя так, что позорят имя партии... В нашей комиссии при ЦК по строительству партии... мы получили такое бесконечное количество ужасающих фактов о пьянстве, разгуле, взяточничестве, разбое и безрассудных действиях со стороны многих работников, что просто волосы становились дыбом... Мы слишком поздно стали вскрывать «маленькие недостатки механизма» в наших партийных рядах... И великим преступлением будет, если съезд честно не признает и не примет мер к устранению тех зол, о которых я говорил...»

Сосновский: «...Когда мы спрашивали т. Ленина, каким образом сделать так, чтобы средний крестьянин был на нашей стороне, что мы можем ему дать, т. Ленин сказал: «Накормить мы его не можем, мануфактуры дать не можем, дать такую программу, которая удовлетворяла бы его собственнические интересы, не можем, но можем перестать безобразничать и вести башибузукскую политику, которую ведут провинциальные товарищи, начиная от уезда и кончая губернией...»

Осинский: «...В настоящее время старые партийные товарищи создали целый чиновничий аппарат, построенный, в сущности говоря, по старому образцу. У нас создалась чиновничья иерархия... Этим в значительной степени объясняются безобразия, которые производят «люди с мандатами», на этой почве и развивается произвол...»

Зиновьев: «...Действительно, нельзя скрывать на съезде того факта, что местами слово «комиссар» стало бранным, ненавистным словом. Человек в кожаной куртке, как говорили в Перми, в народе стал ненавистным. Скрывать это было бы смешно, надо смотреть правде в лицо... В некоторых уездах исполкомы запретили колокольный звон. Они этим помогают попам и религии, как никто. Они добьются того, что мужики, которые наполовину были против попов и против колокольного звона, будут ждать колокольного звона как благовеста... Разве вы не читали в елизаветградских газетах, что на другой день после того, как в этом городе Советы взяли власть от петлюровцев, в Совете в течение четырех с половиной часов высказывались 17 ораторов; обсуждали вопрос: бить или не бить «жидов», не больше и не меньше. И большинством голосов решили, что лучше пока не бить. Подробно обсуждался вопрос о том, допускать или не допускать евреев на ответственные посты в Советы, и большинством голосов решили, что бывают и из евреев приличные люди».

Что ж, и в партийной семье не без урода. Даже не без многих. Важно только не вгонять подонков в номенклатурную «обойму», не живописать их в профиль, когда выясняется, что анфас ущербен.

Театр начинается с вешалки, партийный съезд — с регламента. С него и начну сравнение. Регламент XIII съезда РКП(б) включал в себя 12 пунктов, некоторые из них звучат, как «преданья старины глубокой». Например:

«1. Президиум съезда избирается в количестве 7 человек и 3 секретарей.

...4. Каждая группа делегатов с решающим голосом, насчитывающая 40 человек, может выставить своего докладчика.

...6. Внеочередные запросы и заявления за подписью не менее 20 делегатов оглашаются немедленно, никакие прения по запросам и заявлениям не допускаются.

...10. По мотивам голосования дается 3 минуты после голосования.

11. ...По требованию 15 товарищей с решающими голосами должно быть произведено поименное голосование.

12. Президиуму предоставляется право образовать секции по отдельным пунктам порядка дня или по отдельным детальным вопросам партийной работы...»

Регламент XXVI съезда ограничен всего тремя пунктами: о времени заседаний, о 15 минутах для участвующих в прениях (в прениях — ?!!) и о том, что замечания и предложения должно вносить в секретариат в письменном виде (надо ли говорить, что стенографический отчет не содержит ни малейших следов каких-либо замечаний и предложений). Работа в секциях, выставление содокладчика, выступления по мотивам голосования, внеочередные запросы, именные голосования — каждый ли нынешний член партии с многолетним стажем знает, что это, собственно, такое? Зачем в самом деле содокладчик, если докладчик непрерываем? Какие такие могут быть мотивы у завсегда единогласного голосования? К чему внеочередные запросы, когда все решается в «рабочем порядке»?

XXVI — это съезд оваций. Они начались, едва куранты на Спасской башне пробили десять. Избрание президиума (124 чел.) было встречено бурными аплодисментами, приглашение избранным в него занять свои места отозвалось в душах делегатов менее бурно, зато более устойчиво: стенографист зафиксировал «продолжительные аплодисменты». И «аплодисменты» — когда сформировался секретариат съезда (29 чел.). 80-страничный доклад Л. И. Брежнева прерывался аплодисментами 78 раз, продолжительными аплодисментами — 40, бурными, продолжительными аплодисментами — 8.

Структура выступлений была примерно такова: 30—40 процентов — ритуальные поклоны, половина — самоотчет (республики, области, края, района, колхоза или больницы — в зависимости от должности оратора). Иногда в одном абзаце содержалось деликатное предложение, адресованное Госплану, Госснабу и т. п. ведомству «обратить внимание», «глубже вникнуть», «оказать помощь». В заключение следовал блок, заклинаящий Центральный Комитет и «лично...», что трудящиеся

(республики, области, края, района, колхоза или больницы) «не пожалеют сил» либо, напротив, «приложат все силы».

Ритуальные поклоны отвешивались по крайней мере в трех направлениях. Во-первых, фимиам курился перед монументальной фигурой лично Леонида Ильича, что доставляло некоторое неудобство престарелому лидеру. Телевизионные камеры с умилением фиксировали, как время от времени он смахивал с уголков глаз набегавшую раз за разом скупую мужскую слезу.

Выписывая эпитеты, которых многожды удостоивался Генеральный секретарь и которых ни разу не слышивал первый председатель Совнаркома, я полагал, что несколько десятков выступающих непременно начнут повторяться. Ничуть не бывало. Русский язык вполне оправдал свою репутацию великого и могучего, он точно выразил мельчайшие оттенки чувств, буруевающих ораторов. Всего 6 раз Брежнев был назван «верным продолжателем бессмертного дела Ленина», трижды — «выдающимся политическим и государственным деятелем» и «пламенным борцом за мир и коммунизм», дважды — «верным марксистом-ленинцем». Остальные характеристики были неповторимы, тут надо отдать должное безмянным редакторам, правящим тексты выступлений. Отмечались «страстность и проницательность», «глубокая отзывчивость и внимание к людям труда», «постоянная забота о благе народа», «могучий ум, беспокойное сердце», а также «горячее сердце и выдающийся ум». К этим личностным характеристикам присовокуплялись на первый взгляд не вмещающиеся в одного человека деловые качества, именно: «государственная мудрость и прозорливость», «неиссякаемая творческая энергия», «богатейшие теоретические знания», «мудрый теоретик», «неиссякаемый талант дальновидного и гибкого политика», «наш мудрый руководитель», «громадный политический и организаторский талант» и просто «талантливый организатор». Последнее, по-видимому, граничило с известной недооценкой.

«Достойный сын рабочего класса» и «всенародно признанный лидер» тянулся к Ленину, как мальчик к елочным игрушкам. И точно так, не умея до них возвыситься, принимал их до себя: «руководитель подлинно ленинского типа», «ленинская принципиальность и человечность», «великий революционер-ленинец», «ленинская мудрость», «выдающиеся качества революционера ленинского типа», «ленинский стиль работы», «по-ленински глубоко, с гениальной ясностью», «в фундаментальных трудах раскрыты диалектические закономерности развитого социализма» и т. д. и т. п.

Второй иконой, перед которой надлежало лбы разбивать, был Отчетный доклад Центрального Комитета. Во времена Ленина, когда слова выражали лишь то, что они выражали, Отчетный доклад ЦК означал доклад, в котором ЦК отчитывался перед партией о своей деятельности. И в прениях по докладу ЦК обсуждалась и критиковалась деятельность ЦК, а тот, кто находил ее удовлетворительной, попросту не выступал. Большевикам показалась бы вздорной мысль, будто может делегат взой-

ти на трибуну единственно, чтобы похвалить доклад. И уж вовсе невероятным и абсурдным, чтобы член ЦК распевал дифирамбы докладу... ЦК. Между тем на XXVI съезде из 40 выступавших в прениях по докладу ЦК 36 человек были членами ЦК.

И как они выступали!

В докладе были отмечены достижения «в развитии творческой активности производственных коллективов и коммунистического воспитания трудящихся» Московской парторганизации. В. В. Гришин отвечал: «Доклад... произвел сильное, незабываемое впечатление, вызвал чувство гордости за нашу партию и страну, ее великие достижения... Это выдающийся документ творческого марксизма-ленинизма. Он вооружает партию новыми теоретическими выводами и обобщениями, вдохновляет советских людей на дальнейшие трудовые свершения».

А в это время великий город задыхался в тисках сотен проблем, цвело то, что называлось потом рыбным делом, елисеевским делом, щелоковским, чурбановским...

В докладе было сказано о «крупных достижениях хлебобобов Казахстана». Последовала адекватная реакция Д. А. Кунаева: «Этот беспримерно емкий документ, вобравший в себя коллективную волю и мудрость Центрального Комитета, подводит итоги гигантской целеустремленной работы партии и народа, вносит большой вклад в теорию и практику коммунистического строительства, служит боевым руководством буквально по всем позициям... Можно без преувеличения сказать, что значение Отчетного доклада ЦК всемирно».

А в это время на Атбасарском кладбище возводился монументальный памятник белогвардейцу Ялымову — тестю Кунаева, катастрофически пустели полки магазинов, под промышленной мышцей республики вздувались капилляры родоплеменного родства.

Докладчик по касательной прошелся насчет «почина партийных организаций Кубани». С. Ф. Медунов не заставил себя ждать: «В чеканных и мудрых положениях Отчетного доклада Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев по-ленински глубоко, с гениальной ясностью раскрыл богатый практический опыт нашей партии, дал научный анализ ее внутренней и внешней политики в стремительно меняющихся острых ситуациях современности, наметил захватывающие перспективы дальнейшего восхождения к вершинам коммунистического общества».

А в это время сочинско-краснодарская мафия была в расцвете самонадеянной силы, и заместитель Генерального прокурора СССР предостерегал Аркадия Ваксберга от поездки на тихий Дон...

Доклад увязывал успехи «тружеников хлопковых полей Узбекистана» с «усилением работы парторганизации». Шараф Рашидович был на месте: «Всеохватывающий доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева содержит марксистско-ленинский анализ положения в мире, яркую картину итогов деятельности партии,

общества развитого социализма по выполнению решений XXV съезда КПСС. Проникнутый заботой о благе народа, о прочном мире, неиссякаемой верой в правоту и победу нашего великого дела, Отчетный доклад вооружает партию, всех советских людей научно обоснованной программой действий на восьмидесятые годы. В нем сконцентрирован огромный, поистине бесценный опыт коммунистического созидания. Разработанные в докладе важнейшие теоретические обобщения и выводы имеют огромное значение для исторических судеб всего человечества».

А в это время хлопковые миллиарды расходились по рукам, бешеные деньги задавали работу следователю Гдляну на многие годы и советская милиция стерегла шлагбаумы, отгораживающие ханство Адылова от внешнего мира.

Наконец, в-третьих, предметом восхищения служила предприимчивость Леонида Ильича, его бесконечная инициативность. Большой, надо сказать, был затейник. Мало того, что по его задумке разрабатывались Продовольственная программа, комплексные программы развития транспорта и Нечерноземья, так он еще выдвинул «задачу рационального использования трудовых ресурсов», «историческую инициативу о создании отечественного рисосеяния», ему Дальневосточный регион обязан «ускоренным комплексным развитием», с его именем связано «создание и успешное развитие» электронной промышленности, при его «активной и самой непосредственной поддержке» развивался Южно-Таджикский территориально-производственный комплекс.

Если Сталин был скромным корифеем наук, то Брежнев приобрел статус и супервыдающегося литератора¹. Так, первый секретарь Правле-

¹ Пролью немного балзама на истомленную душу сталиниста. Похоже, Брежнев стал писателем, не написав ни строчки, в то время, как Сталин был поэтом, никогда и нигде об этом не упоминая. Арсений Тарковский рассказывал мне, как в одну прекрасную ночь 1949 года за ним пришли. Жил он тогда в Варсонофьевском переулке, можно сказать, напротив Лубянки, и, естественно, ожидал, что повезут его на жительство напротив собственного дома. Но машина прошла вниз, к Большому театру. В Бутырки, решил Тарковский. Но и это предположение не оправдалось: обогнув Манеж, машина въехала в... Кремль. Какими-то коридорами, лестницами, подъемами и спусками провели его в кабинет, там были двое. Маленков (его легко было узнать по портретам) и второй — плотный и лысый (потом выяснилось — Поскребышев). Опускаю подробности, у меня еще будет случай к ним вернуться, сообщая главное: Арсению Александровичу было поручено перевести с грузинского юношеские стихи Иосифа Виссарионовича — приближалось 70-летие вождя, и друзья хотели преподнести ему сюрприз. Несколько недель провел он над этой работой, сколь интересной, столь и опасной. Закончилась она так же неожиданно, как началась. В другую прекрасную ночь его привезли в тот же кабинет, и Маленков сказал (передаю дословно): «Товарищ Сталин узнал о нашей затее и со свойственной ему большевистской скромностью попросил нас это не делать». Состоялся обмен портфеля с рукописями на портфель, в котором оказался гонорар, каковой, по скромному замечанию Арсения Александровича, был много выше обычного. Я спросил, о чем стихи. О горах, ответил Тарковский, о природе. Обычные юношеские стихи. А о любви были? Странно, только сейчас удивился Тарковский, о любви не было...

ния Союза писателей СССР отметил огромное воздействие на все виды и жанры искусства книг «Малая земля», «Возрождение», «Целина»: «Эти подлинно народные книги обогатили духовную жизнь советского общества, показали высокий образец партийного мышления, побудили художников всех поколений на более объемные и глубокие исследования современности, на более весомые художественные обобщения».

Как водится, была образована комиссия для подготовки проектов резолюций, в нее вошли 123 человека. Магия цифр завораживает: почему 123? А не 120 или 125? С холодком в груди чувствую здесь проявление высшего, отнюдь не гегелевского разума. Резолюция, предложенная ста двадцатью тремя, состояла из четырех абзацев, а собственно резолютивная часть из двух (41 слово, включая союзы и предлоги):

«1. Целиком и полностью одобрить ленинский курс и практическую деятельность Центрального Комитета партии.

2. Одобрить Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС и предложить всем партийным организациям руководствоваться в своей работе положениями и задачами в области внутренней и внешней политики, выдвинутыми в докладе товарищем Л. И. Брежневым».

Как палеонтолог по единой косточке (скорее всего собачьей) воссоздает динозавра, так я, читая текст резолюции, пытаюсь вообразить ее первоначальный, не тронутый 123 редакторскими карандашами вид. И охотно признаюсь в дремучем текстологическом невежестве.

Над кем, однако, смеемся? Холуйская это повадка — валить на покойное «начальство» все неудачи. Обратная сторона культа. Только слабые, заметил Фадеев, ищут виновных вокруг себя. И подтвердил это собственной смертью.

А где были мы, коммунисты? Не мы ли создавали у верхов иллюзию всеведения и всемогущества, являя собой все одобряющий мелкий партийный народец? Не ко времени и жалок лепет оправдания: «А что я мог поделывать?» Его в жесткий упор следовало задавать себе, когда писали под копирку: «Прошу принять... Хочу быть в первых рядах... С Программой и Уставом...»

Между тем в Уставе обозначен длинный перечень обязанностей членов партии. «Выступать активным поборником всего нового, прогрессивного...» Выступали? Поборником? Нового? Прогрессивного? Отчего же страна находилась в перманентном технологическом отступлении, а новаторы, движители прогресса, — в загоне?

«Служить образцом исполнения гражданского долга...» В чем же состоял наш гражданский долг? В частом и синхронном сокращении локтевого сустава, равнодушном взирании на языки Отечества, упорительном повышении собственнического «жизненного уровня народа»?

«Строго соблюдать нормы коммунистической морали...» Когда говорят о коммунистической морали, представляю себе Ленина, получающе-

го по разнарядке штаны и башмаки и жалующегося Бончу, что в накладной указана подозрительно низкая цена. Воображаю этику Самуила Воскова. К нему пришел в гости Альберт Рис Вильямс, знакомец по американской эмиграции. Сохранился рассказ Вильямса, как дочь Воскова наядбничала на брата, что он бабочек кушал. С голодухи. А служил тогда Восков комиссаром продовольствия Северной Коммуны, распоряжаясь вагонами и эшелонами хлеба. Не знаю, поймет ли, о чем речь, читатель мой — директор гастронома. А ведь все они, кажется, у нас при партбилетах...

«Овладевать марксистско-ленинской теорией»... Если и овладевали, то насилием, как девкой, превращая вечнозеленое дерево теории в обрубок. Из марксизма-ленинизма извлекался безжизненный экстракт, читатник. И на нем восседали мы таким обширным седилищем, что коричневое и синее многообразие даже краешков своих не казало.

«Развивать критику и самокритику, смело вскрывать недостатки и добиваться их устранения, бороться против парадности, зазнайства, самоуспокоенности, очковтирательства, давать решительный отпор всяким попыткам зажима критики, выступать против бюрократизма, местничества, ведомственности»...

Развивали? Вскрывали? Боролись? Давали отпор? Отчего же торжествами показуха и рапортомания? И «Монетный двор» не успевал штамповать ордена и медали? И критика не зажималась, а просто искоренялась? И бюрократизм, подобно Воланду, правил бал? И партийность повсюду побиваема была ведомственностью?

Мы не исполнили уставных требований. Мы оказались плохими членами партии. Нас становилось все больше, а социализма все меньше. Это так — поднимем глаза к правде. Еще и еще раз заглянем за грань кризиса, к которой мы, коммунисты, и никто другой, подвели страну.

В январе 1921 года Ленин пишет работу «Кризис партии». В ней слова: «Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет лихорадка». Сегодня категорическим императивом выступает наша обязанность спросить себя: партия выздоравливает? Но, чтобы говорить о выздоровлении, следует взвесить тяжесть недавней и еще не прошедшей болезни. И отказаться от прекраснородушного представления, будто общество было в застое и предкризисе, а партия неизменно динамична и на подъеме.

Еще и сегодня при слове «инициатива» некоторые партийцы вздрагивают и хватаются за «вертушку». Нас не поймут! — сокрушаются. Кто не поймет? Народ! Но очи возводят — горе. Точнее, холмушке, где покоятся директивные офисы. Низ-з-зя-я, говорят они, воспользуюсь словом Маяковского, «голосом ожившего лампадного масла».

Они мыслят классическими образами: почин бывает великим, когда в депо Москва-Сортировочная ремонтируют паровоз. А всякий иной подозрителен и должен быть одобрен — сами знаете кем.

Папа Карло брал деревяшку, удалял лишнее, получался живой человечек. Они же берут человечка, удаляют живое, получается деревяшка. И ее кладут в поленицу, взор ласкающую строгостью и соразмерностью.

Им давали шанс перестроиться — и не один. Но, подобно французским роялистам, они ничему не научились и в отличие от них все забыли.

Не могу не упомянуть о тезисе Ф. Бурлацкого («ЛГ», 15 июня, 1988). По его мнению, внутрипартийный плюрализм призван учитывать две главные традиции: ленинскую, демократическую, и сталинскую, авторитарическую. И внутрипартийная борьба этих традиций будет, как думает автор, содействовать революционным преобразованиям в обществе.

С этим невозможно согласиться. Партия — политический авангард общества, а не его точная модель. Ф. Бурлацкий исходит из действительного, полагая, что оно разумно. Мы говорим «партия», подразумеваем — Ленин и Сталин? Ситуация, когда Коммунистическая партия, превращаясь в дискуссионный клуб, числит в своих рядах исповедующих авторитаризм, представляется мне алогичной. Если часть авангарда плетется в арьергарде, путаются стратегические карты перестройки и существует опасность, что они будут биты.

Партия — это сплошная Гора, ее структура равно отторгает Жиронду и Болото. Оздоровление партии — пионерный процесс. Сначала — партия, затем — все общество. По-иному перестройка не делается.

Это было написано за несколько дней до XIX Всесоюзной партконференции. Анализ принятых на ней резолюций — предмет отдельного разговора. Но уже сейчас очевидно: рубикон, разделяющий застойный авторитаризм и социалистическую демократию, окончательно перейден. В застой возврата не будет.

Скептику предлагаю вспомнить, что сорок всего не лет, а месяцев назад тезис о неотъемлемом праве каждого гражданина на получение по любому вопросу общественной жизни полной и достоверной информации и об ответственности за воспрепятствование реализации такого права трактовался как отравленный продукт диссидентства, порожденного вражескими радиоволнами.

Давно ли требование создания надежных гарантий против субъективизма, самоуправства, влияния личных и случайных обстоятельств на партийную политику трактовалось как очернительство? Сегодня оно подкреплено авторитетом партии.

Много ли воды утекло с тех пор, как бюрократизм перечислялся в ряду «отдельных недостатков», где-то между несунами и «другими разрушителями трудовой дисциплины»? Сегодня этому посвящена развернутая резолюция, и обычно сухой язык резолютивной прозы обогатился тропом: «социальная скверна бюрократизма». Борьба ей, говорит партия, и борьба бескомпромиссная.

Процесс выздоровления партии начался. Он идет и пойдет. К партии возвращается ушедшая было от нее на долгие десятилетия живая ленинская душа.

Дворец съездов построен относительно недавно, и прав М. С. Горбачев, заметивший, что такого разговора, какой состоялся на конференции, это почтенное сооружение не знало. Преодолевая наработанный десятилетиями свой (и многих) скептический рефлекс, еще раз соглашусь с Генеральным секретарем: атмосфера общепартийной дискуссии была остра, принципиальна и нелицеприятна. Когда у нас в самом деле случалось, чтобы кто-то из делегатов партийного форума открыто оппонировал Генсеку? На XIX Всесоюзной это было, и не раз. И ничего, завеса в храме не разорвалась надвое.

Партия продемонстрировала обретенный в перестройке навык вслушиваться, а не вздрагивать при произнесении разнящихся друг с другом суждений. Характерный тому пример — различие оценок, содержащихся в докладе М. С. Горбачева и выступлении Ю. В. Бондарева.

Доклад: «Возникла новая общественно-политическая атмосфера — открытости, свободы творчества и дискуссий, объективного, непредвзятого исследования, критики и самокритики. Идет подлинная революция сознания, без которой невозможно созидание новой жизни».

Ю. Бондарев: «Экстремистам немало удалось в их стратегии, родившейся, кстати, не из хаоса, а из тщательно продуманной заранее позиции. И теперь во многом подорвано доверие к истории, почти ко всему прошлому, к старшему поколению, к внутричеловеческой чести, что называется совестью, к справедливости, к объективной гласности...»

И ничего. Диаметральные противоположные оценки делегаты встретили равными по интенсивности и продолжительности вежливыми аплодисментами.

Ю. Бондарев завершил свое выступление упоминанием о древнем китайском понятии «шу», означающем «умение уважать и любить человека за то, что он есть на Земле; любить и беречь воду, ветер, небо, каждую травинку на краю обочины». Надеюсь, сфера действия снисходительного «шу», помимо ветра, трепетных былинки и пылинки, распространяется и на «рыцарей экстремизма», и на представителей «части нигилистической критики», шумящей, бранящейся, передерживающей и искажающей. Они ведь «есть на Земле». Что ж, приемлю китаизированные гуманизм и терпимость Ю. Бондарева, хотя мне, откровенно говоря, больше по душе авиаметафора Г. Бакланова.

Помните: пилоту надлежит сохранять хладнокровие, когда на вираже с английской королевой приключается мелкая неприятность и она покидает борт самолета.

ЛЕНИНИАНА: «НЕИЗВЕСТНЫЕ» СТРАНИЦЫ

Кавычки в заголовке объясняются тем, что публикуемые воспоминания принадлежат Л. Троцкому. Появившись в печати почти 65 лет назад, они очень скоро угодили в спецхран, где и покоились под спудом, предоставленные «грызущей критике мышей». Таков был нормальный по тем временам способ существования иллюзии, будто отсутствие текстов тождественно небытию авторов.

«Революция продолжается», — заявил М. С. Горбачев. И надо полагать, что на 72-м году она достаточно сильна, чтобы упоминать о давнишних своих деятелях, бывших «персонами нон грата» отечественной истории, без непременно разлития желчи и тотального недоверия. Более того, с уважением и снисхождением. Листая толстенный фолиант «У великой могилы», изданный вскоре после смерти Ленина, встречаю в нем отклики на смерть Ильича, принадлежащие бывшим анархисту, эсеру, колчаковцу и даже ренегату Каутскому, подумал, что пришла пора дать слово и бывшему троцкисту Троцкому.

Публикуемые отрывки из воспоминаний Троцкого («О Ленине. Материалы для биографа». М., 1924; «Из воспоминаний о Ленине». Тифлис, 1924; «Моя жизнь», т. 2. Берлин, 1930), на мой взгляд, не самые слабые страницы Ленинианы. Имеющий глаза да видит: можно в чем-то расходиться с ленинизмом, в то же время искренне любя и уважая Ленина. Как заметил А. В. Луначарский, «...в отношениях с Лениным после их объединения он проявлял трогательное и нежное, почтительное отношение...» Эту трогательную нежность, не сомневаюсь, ощутит и читатель.

В те первые свидания, а еще более после июльских дней (1917 г. — Л. О.), Ленин производил впечатление высшей сосредоточенности, страшной внутренней собранности под покровом спокойствия и «прозаической» простоты. Керенщина казалась в те дни всемогущей. Большевизм представлялся «ничтожной кучкой». Партия сама еще не создала своей завтрашней силы. И в то же время Ленин уверенно вел ее к величайшим задачам...

Его выступления на первом Съезде Советов вызвали у эсеро-меньшевистского большинства тревожное недоумение. Они смутно чувствовали, что этот человек взял прицел по какой-то очень далекой точке. Но самой точки они не видели. И революционные мечтатели спрашивали себя: кто это? что это? простой маниак? или какой-то исторический снаряд небывалой разрывной силы?

Выступление Ленина на Съезде Советов, когда он говорил о необходимости арестовать 50 капиталистов¹ не было, пожалуй, ораторски «удачным». Но оно было исключительно значительным. Короткие аплодисменты немногочисленных сравнительно большевиков² провожали оратора, уходившего с видом человека, который не все сказал и, может быть, не совсем так сказал, как хотел бы... И в то же время над залом пронеслось необычное дуновение. Это было дуновение будущего, кото-

рое на момент почувствовали все, провожая растерянными взорами этого человека, такого обыкновенного и такого загадочного.

Кто он? Что он? Разве Плеханов не назвал в своей газете первую ленинскую речь на революционной почве Петербурга бредом? Разве делегаты, выбиравшиеся массами, не примыкали сплошь к эсерам и меньшевикам? Разве в среде самих большевиков позиция Ленина не вызвала на первых порах острое недовольство?

С одной стороны, Ленин требовал категорического разрыва не только с буржуазным либерализмом, но и со всеми видами оборончества. Он организовал борьбу внутри собственной партии против тех «старых большевиков», которые, — как писал Ленин, — не раз уже играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленную заученную формулу, вместо изучения своеобразия новой, живой действительности». Таким образом, он, на поверхностный взгляд, ослаблял собственную партию. А в то же время он заявил на Съезде Советов: «Не правда, будто ни одна партия не согласна ныне взять власть; такая партия есть: это наша партия». Разве не чудовищное противоречие между положением «кружка пропагандистов», который отмежевывается от всех остальных, и между этой открытой претензией на взятие власти в гигантской стране, потрясенной до дна? И Съезд Советов глубочайшим образом не понимал, чего хочет и на что надеется этот странный человек, этот холодный фантаст, пишущий маленькие статьи в маленькой газете. И когда Ленин с великолепной простотой, которая показалась простоватостью подлинным простецам, заявил на Съезде Советов: «Наша партия готова взять власть целиком», — раздался смех³. «Вы можете смеяться сколько угодно», — сказал Ленин. Он знал: «Хорошо посмеется тот, кто смеется последним». Ленин любил эту французскую поговорку, ибо твердо готовился смеяться последним. И он спокойно продолжал доказывать, что нужно для начала арестовать 50 или 100 крупнейших миллионеров и объявить народу, что мы считаем всех капиталистов разбойниками и что Терещенко ничуть не лучше Милюкова, только поглупее. Ужасно, поразительно, убийственно простецкие мысли! И этот представитель маленькой части Съезда, которая время от времени сдержанно аплодирует ему, говорит Съезду: «Вы боитесь власти? А мы готовы ее взять». В ответ, разумеется, — смех, в тот момент почти снисходительный, только чуть-чуть тревожный.

И для второй своей речи Ленин выбирает ужасно простые слова из письма какого-то крестьянина о том, что нужно больше напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам, тогда война кончится, но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет⁴. И эта простая, наивная цитата — вся программа? Как же не недоумевать? Опять смешок, снисходительный и тревожный. И действительно, в качестве отвлеченно взятой программы группы пропагандистов эти слова:

«напирать на буржуазию» — не так уж много весят. Недоумевающие не понимали, однако, того, что Ленин безошибочно подслушал нарастающий напор истории на буржуазию и что в результате этого напора ей неизбежно придется «лопаться по всем швам». Недаром же Ленин разъяснял в мае гражданину Маклакову, что «страна рабочих и беднейших крестьян в тысячу раз левее Черновых и Церетели» и «раз в сто левее нас». Тут-то и есть главный источник ленинской тактики. Сквозь свежую, но уже достаточно мутную демократическую пленку он глубоко прощупал «страну рабочих и беднейших крестьян». Она оказалась готовой совершить величайшую революцию. Но эту свою готовность она пока еще не умеет политически проявить. Те партии, которые говорят от имени рабочих и крестьян, обманывают их. Нашей партии миллионы рабочих и крестьян еще не знают, не нашли ее еще как выразительницу своих стремлений, и в то же время наша партия еще не поняла всей своей потенциальной силы, и потому она «в сто раз» правее рабочих и крестьян. Надо пригнать одно к одному. Надо открыть миллионные массы партии и партию миллионным массам. Не забегать чересчур вперед, но и не отставать. Терпеливо и настойчиво разъяснять. Разъяснять же нужно очень простые вещи. «Долой 10 министров-капиталистов!» Меншевики не согласны? Долой меньшевиков! Они смеются? До поры до времени... Хорошо посмеется тот, кто будет смеяться последним.

В Смольном шло первое заседание второго Съезда Советов. Ленин не появлялся на нем. Он оставался в одной из комнат Смольного, в которой, как помню, не было почему-то никакой или почти никакой мебели. Потому уже кто-то постлал на полу одеяла и положил на них две подушки. Мы с Владимиром Ильичем отдыхали, лежа рядом. Но уже через несколько минут меня позвали: «Дан говорит, нужно отвечать». Вернувшись после своей реплики, я опять лег рядом с Владимиром Ильичем, который, конечно, и не думал засыпать. До того ли было? Каждые пять — десять минут кто-нибудь прибегал из зала заседаний сообщить о том, что там происходит. А кроме того, приходили вестники из города, где, под руководством Антонова-Овсеенко, шла осада Зимнего, закончившаяся штурмом.

Должно быть, это было на другое утро, отделенное бессонной ночью от предшествовавшего дня. У Владимира Ильича вид был усталый. Улыбаясь, он сказал: «Слишком резкий переход от подполья и переверзевищины — к власти. Es schwindest (кружится голова)», — прибавил он почему-то по-немецки и сделал вращательное движение рукой возле головы. После этого единственного более или менее личного замечания, которое я слышал от него по поводу завоевания власти, последовал простой переход к очередным делам.

Буржуазные, эсеровские и меньшевистские газеты представляли собой с первых же дней переворота довольно согласный хор волков, шакалов и бешеных собак. Только «Новое Время» пыталось взять «лойальный» тон, поджигая хвост меж задних ног.

— Неужели же мы не обуздаем эту сволочь? — спрашивал при всякой оказии Владимир Ильич. — Ну, какая же это, прости господи, диктатура!

Газеты особенно ухватились за слова «грабь награбленное» и ворочали их на все лады: и в передовицах, и в стихах, и в фелетонах.

— И далось им это «грабь награбленное», — с шутливым отчаянием говорил раз Ленин.

— Да чьи это слова? — спросил я, — или это выдумка?

— Да нет же, я как-то действительно это сказал, — ответил Ленин, — сказал да и позабыл, а они из этого сделали целую программу. — И он юмористически замахал рукой.

Всякий знает, кто что-нибудь знает о Ленине, что одна из сильнейших его сторон состояла в умении отделить каждый раз существо от формы. Но очень не мешает подчеркнуть, что он чрезвычайно ценил и форму, зная власть формального над умами и тем самым превращая формальное в материальное. С момента объявления Временного правительства низложенным Ленин систематически, и в крупном и в малом, действовал как правительство. У нас еще не было никакого аппарата: связь с провинцией отсутствовала; чиновники саботировали; Викжель мешал телеграфным переговорам с Москвой; денег не было и не было армии. Но Ленин везде и всюду действовал постановлениями, декретами, приказами от имени правительства. Разумеется, он был при этом дальше, чем кто бы то ни было, от суеверного преклонения перед формальными заклинаниями. Он слишком ясно сознавал, что наша сила в том новом государственном аппарате, который строился с низов, из петроградских районов. Но для того, чтобы сопрячь работу, шедшую сверху, из опустевших или саботировавших канцелярий, с тгорческой работой, шедшей снизу, нужен был этот тон формальной настойчивости, тон правительства, которое сегодня еще мечется в пустоте, но которое завтра или послезавтра станет силой и потому выступает уже сегодня как сила. Этот формализм необходим был также и для того, чтобы дисциплинировать нашу собственную братию. Над бурлящей стихией, над революционными импровизациями передовых пролетарских групп постепенно натягивались нити правительственного аппарата.

Кабинет Ленина и мой были в Смольном расположены на противоположных концах здания. Коридор, нас соединявший, или, вернее, разъединявший, был так длинен, что Владимир Ильич шутя предлагал устанавливать сообщение на велосипедах. Мы были соединены телефоном, матросы часто прибегали, переноса замечательные ленинские записки

на небольших кусочках бумаги из двух-трех крепких фраз, поставленных, каждая, на ребро, с двух- и трехкратным подчеркиванием наиболее существенных слов, и с заключительным вопросом — тоже ребром. Я несколько раз на дню проходил по бесконечному коридору, походившему на муравейник, в кабинет к Владимиру Ильичу на совещания. В центре стояли боевые вопросы...

Немецкое наступление поставило нас перед труднейшими задачами, а средств для их разрешения не было, как не было и элементарнейшего умения найти эти средства или создать их. Мы начали с воззвания. Написанный мною проект — «Социалистическое отечество в опасности» — обсуждался вместе с левыми эсерами. Эти последние в качестве новобранцев интернационализма смутились заголовком воззвания. Ленин, наоборот, очень одобрил: «Сразу показывает перемену нашего отношения к защите отечества на 180 градусов. Так именно и надо!» В одном из заключительных пунктов проекта говорилось об уничтожении на месте всякого, кто будет оказывать помощь врагам. Левый эсер Штейнберг¹, которого каким-то странным ветром занесло в революцию и даже взметнуло до Совнаркома, восставал против этой жестокой угрозы как нарушающей «пафос воззвания».

— Наоборот, — воскликнул Ленин, — именно в этом настоящий революционный пафос (он иронически передвинул ударение) и заключается. Неужели же вы думаете, что мы выйдем победителями без жесточайшего революционного террора?

Это был период, когда Ленин при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора. Всякие проявления прекрасного, маниловщины, халатности — а всего этого было хоть отбавляй — возмущали его не столько сами по себе, сколько как признак того, что даже верхи рабочего класса не отдают еще себе достаточного отчета в чудовищной трудности задач, которые могут быть разрешены лишь мерами чудовищной же энергии. «Им, — говорил он про врагов, — грозит опасность лишиться всего. И в то же время у них есть сотни тысяч людей, прошедших школу войны, сытых, отважных, готовых на все офицеров, юнкеров, буржуазных и помещичьих сынков, полицейских, кулаков. А вот эти, извините за выражение, «революционеры» воображают, что мы сможем совершить революцию по-доброму да по-хорошему. Да где они учились? Да что они понимают под диктатурой? Да какая у него выйдет диктатура, если он сам тютя?» Такие тирады можно было слышать десятки раз на дню, и они всегда метили в кого-нибудь из присутствующих, подозрительного по «пацифизму». Ленин не пропускал ни одного случая, когда говорилось при нем о революции, о диктатуре, особенно когда это происходило на заседаниях Совнаркома или в присутствии левых эсеров или колеблющихся коммунистов, чтобы не заметить тут же: «Да где у нас диктатура? Да покажите ее! У нас — каша, а не диктатура». Слово «каша» он очень любил. «Если мы не умеем расстрелять саботажника-белогвардейца, то какая же это великая революция? Да вы смотрите, как у нас буржуазная шваль пишет в газетах? Где

же тут диктатура? Одна болтовня и каша»... Эти речи выражали его действительное настроение, имея в то же время сугубо умышленный характер: согласно своему методу, Ленин вколачивал в головы сознание необходимости исключительно суровых мер для спасения революции.

Бессилие нового государственного аппарата обнаружилось ярче всего с момента перехода немцев в наступление. «Вчера еще прочно сидели в седле, — говорил наедине Ленин, — а сегодня только лишь держимся за гриву. Зато и урок! Этот урок должен подействовать на нашу проклятую обломовщину. Наводи порядок, берись за дело, как следует быть...»

Вопрос о переезде правительства в Москву вызвал немалые трения.⁶ Это-де похоже на дезертирство из Петрограда, основоположника Октябрьской революции. Рабочие-де этого не поймут. Смольный-де стал синонимом Советской власти, а теперь его предлагают ликвидировать и пр. и пр. Ленин буквально из себя выходил, отвечая на эти соображения: «Можно ли такими сантиментальными пустяками загораживать вопрос о судьбе революции? Если немцы одним скачком возьмут Питер и нас в нем, то революция погибла. Если же правительство — в Москве, то падение Петербурга будет только частным тяжким ударом. Как же вы этого не видите, не понимаете? Более того; оставаясь при нынешних условиях в Петербурге, мы увеличиваем военную опасность для него, как бы толкая немцев к захвату Петербурга. Если же правительство — в Москве, искушение захватить Петербург должно чрезвычайно уменьшиться: велика ли корысть оккупировать голодный революционный город, если эта оккупация не решает судьбы революции и мира? Что вы калякаете о символическом значении Смольного! Смольный — потому Смольный, что мы в Смольном. А будем в Кремле, и вся ваша символика перейдет к Кремлю». В конце концов оппозиция была сломлена. Правительство переехало в Москву. Я еще оставался некоторое время в Петербурге, кажется, в звании председателя петербургского военно-революционного комитета. По приезду в Москву я застал Владимира Ильича в Кремле, в так называемом Кавалерском корпусе. «Каши», т. е. беспорядка и хаоса, тут было никак не меньше, чем в Смольном. Владимир Ильич добродушно поругивал москвичей, проникнутых великим местничеством, и постепенно, шаг за шагом, натягивал вожжи.

Вспоминается мне эпоха восстания левых эсеров и убийство графа Мирбаха. Владимир Ильич позвонил по телефону (сейчас слышу его голос): «Слышали новость!» Когда он волновался, голос его становился глухим, быстрым, и он осекал окончания. По голосу я уже определял, что что-то случилось. Он мне сообщает дальше: «Левые эсеры убили Мирбаха. Приезжайте, посоветуемся». Я приехал к нему, и в 2—3 минуты, держа трубку у уха, он со мной переговорил обо всем. «Вот но-

вость, — сказал он, — совершенно неожиданное колебнутие мелкой буржуазии». Помню это характерное слово «колебнутие», так метко определившее историческую значимость левоэсеровского выступления. И сейчас же Владимир Ильич произносит в телефон: «А проверены ли все входы и выходы у Большого театра?»

Вот вам живой кусок Ленина. В нем постоянно параллельно проходили два процесса: один теоретический — определить значимость события, те последствия, которые из него вытекают, и найти выход, и второй — практический: сейчас же найти рычаг, средство ликвидировать восстание, не утратить темпа, не пропустить ни одной секунды.

И когда я заметил тов. Ленину: «А не явятся ли левые эсеры той вишневой косточкой, о которую нам суждено споткнуться» (у Диккенса есть какое-то подобное сравнение), — он подумал и сказал: «Это и есть судьба их — оказаться вишневой косточкой в интересах белогвардейщины». Тут же он цитирует Энгельса по-немецки и, как нельзя кстати, вспоминает его меткую характеристику: «закусивший удила мелкий буржуа».

Перед заседаниями, на которых разбирались принципиальные вопросы или вопросы, приобретшие важность вследствие столкновения ведомств, Ленин настаивал по телефону, чтобы я ознакомился заранее с вопросом... Когда выяснялось, что мы с ним смотрим на вопрос одинаково, то уж ни он, ни я не сомневались, что проведем нужное решение... Когда нам не удавалось сговориться заранее, мы обменивались во время заседания записочками... Записочка о несогласии с ним бывала иногда написана в шутовском тоне, и тогда Ленин при чтении ее как-то вскидывался всем телом. Он был очень смешлив, особенно когда уставал. Это в нем была детская черта. В этом мужественнейшем из людей вообще были детские черты. Я с торжеством наблюдал, как он забавно борется с приступом смеха, продолжая строго председательствовать. Его скулы выдавались тогда от напряжения еще более.

После Октября фотографии снимали Ленина не раз, точно так же и кинематографички. Голос его запечатлен на пластинках фотографа. Речи застенографированы и напечатаны. Таким образом, все элементы Владимира Ильича налицо. Но только элементы. А живая личность — в их неповторимом и всегда динамическом сочетании.

Когда я мысленно пытаюсь свежим глазом и свежим ухом, как бы в первый раз, увидеть и услышать Ленина на трибуне, я вижу крепкую и внутренне эластичскую фигуру невысокого роста и слышу ровный, плавный, очень быстрый, чуть картавый, непрерывный, почти без пауз и на первых порах без особой интонации голос.

Первые фразы обычно общи, тон нащупывающий, вся фигура как бы не нашла еще своего равновесия, жест не оформлен, взгляд ушел в себя, в лице скорее угрюмость и как бы даже досада — мысль ищет подхода к аудитории. Этот вступительный период длится то больше, то меньше — смотря по аудитории, по теме, по настроению оратора. Но вот он попал на зарубку. Тема начинает вырисовываться. Оратор наклоняет верхнюю часть туловища вперед, заложив большие пальцы рук за вырезы жилета. И от этого двойного движения сразу выступают вперед голова и руки. Голова сама по себе не кажется большой на этом невысоком, но крепком, ладно сколоченном, ритмическом теле. Но огромными кажутся на голове лоб и голые выпуклости черепа. Руки очень подвижны, однако без суетливости или нервозности. Кисть широкая, короткопалая, «плебейская», крепкая. В ней, в этой кисти, есть те же черты надежности и мужественного добродушия, что и во всей фигуре. Чтоб дать разглядеть это, нужно, однако, оратору осветиться изнутри, разгадав хитрость противника или самому с успехом заманив его в ловушку. Тогда из-под могучего лобно-черепного навеса выступают ленинские глаза, которые чуть-чуть переданы на одной счастливой фотографии 1919 г. Даже безразличный слушатель, поймав впервые этот взор, напряжился и ждал, что будет дальше. Угловатые скулы освещались и смягчались в такие моменты крепко умной снисходительностью, за которой чувствовалось большое знание людей, отношений, обстановки — до самой что ни на есть глубокой подоплеки. Нижняя часть лица с рыжеватой-серооливчатой растительностью как бы оставалась в тени. Голос смягчался, получал большую гибкость и — моментами — лукавую вкрадчивость.

Но вот оратор приводит предполагаемое возражение от лица противника или злобную цитату из статьи врага. Прежде чем он успел разобрать враждебную мысль, он дает вам понять, что возражение неосновательно, поверхностно или фальшиво. Он высвобождает пальцы из жилетных вырезов, откидывает корпус слегка назад, отступает мелкими шагами, как бы для того, чтобы освободить себе место для разгона, и — то иронически, то с видом отчаяния — пожимает крутыми плечами и разводит руками, выразительно оставив большие пальцы. Осуждение противника, осмеяние или опозорение его — смотря по противнику и по случаю — всегда предшествует у него опровержению. Слушатель как бы предвещает заранее, какого рода доказательств ему надо ждать и на какой тон настроить свою мысль. После этого открывается логическое наступление. Левая рука попадает либо снова за жилетный вырез, либо, чаще, в карман брюк. Правая следует логике мысли и отмечает ее ритм. В нужные моменты левая приходит на помощь. Оратор устремляется к аудитории, доходит до края эстрады, склоняется вперед и округлыми движениями рук работает над собственным словесным материалом. Это значит, что дело дошло до центральной мысли, до главного пункта всей речи.

Если в аудитории есть противники, навстречу оратору поднимаются время от времени критические или враждебные восклицания. В девяти случаях из десяти они остаются без ответа. Оратор скажет то, что ему нужно, для кого нужно и так, как он считает нужным. Отклоняться в сторону для случайных возражений он не любит. Беглая находчивость несвойственна его сосредоточенности. Только голос его после враждебных восклицаний становится жестче, речь компактнее и напористее, мысль острее, жесты резче. Он подхватывает враждебный возглас с места только в том случае, если это отвечает общему ходу его мысли и может помочь ему скорее добраться до нужного вывода. Тут его ответы бывают совершенно неожиданны — своей убийственной простотой. Он начисто обнажает ситуацию там, где, согласно ожиданиям, он должен был бы маскировать ее. Это испытывали на себе не раз меньшевики в первый период революции, когда обвинения в нарушениях демократии сохраняли еще всю свою свежесть. «Наши газеты закрыты!» — «Конечно, но, к сожалению, не все еще! Скоро будут закрыты все. (Бурные аплодисменты). Диктатура пролетариата уничтожит в корне эту позорную продажу буржуазного опиума». (Бурные аплодисменты). Оратор выпрямился. Обе руки в карманах. Тут нет и намека на позу, и в голосе нет ораторских модуляций, — зато есть во всей фигуре, и в посадке головы, и в сжатых губах, и в скулах, и в чуть-чуть сиплом тембре несокрушимая уверенность в своей правоте и в своей правде. «Если хотите драться, то давайте драться, как следует быть».

Когда оратор бьет не по врагу, а по своим, то это чувствуется и в жесте, и в тоне. Самая неистовая атака сохраняет в таком случае характер «урезонивания». Иногда голос оратора срывается на высокой ноте: это — когда он стремительно обличает кого-нибудь из своих, устыжает, доказывает, что оппонент ровнешенько ничего в вопросе не смыслит и в обоснование своих возражений ничего, ну так-таки ничегошеньки не привел. Вот на этих «ровнешенько» и «ничегошеньки» голос иногда доходит до фальцета и срывается, и от этого сердитейшая тирада принимает неожиданно оттенок добродушия.

Оратор продумал заранее свою мысль до конца, до последнего практического вывода, — мысль, но не изложение, не форму, за исключением разве наиболее сжатых, метких, сочных выражений и словечек, которые входят затем в политическую жизнь партии и страны звонкой монетой обращения. Конструкция фраз обычно громоздкая, одно предложение напластовывается на другое или, наоборот, забирается внутрь его. Для стенографов такая конструкция — тяжелое испытание, а вслед за ними — и для редакторов. Но через эти громоздкие фразы напряженная и властная мысль прокладывает себе крепкую, надежную дорогу.

Верно ли, что это говорит глубочайше образованный марксист, теоретик-экономист, человек с огромной эрудицией? Ведь вот кажется, по крайней мере моментами, что выступает какой-то необыкновенный са-

моучка, который дошел до всего этого своим умом, как следует быть все это обмозговал, по-своему, без научного аппарата, без научной терминологии, и по-своему же все это излагает. Откуда это? Оттуда, что оратор продумал вопрос не только за себя, но и за массу, провел свою мысль через ее опыт, начисто освобождая изложение от теоретических лесов, которыми сам пользовался при первом подходе к вопросу.

Иногда, впрочем, оратор слишком стремительно взбегает по лестнице своих мыслей, перепрыгивая через две-три ступени сразу: это когда вывод ему слишком ясен и практически слишком неотложен и нужно как можно скорее подвести к нему слушателей. Но вот он почувствовал, что аудитория не поспевает за ним, что связь со слушателями разомкнулась. Тогда он сразу берет себя в руки, спускается одним прыжком вниз и начинает свое восхождение заново, но уже более спокойным и соразмеренным шагом. Самый голос его становится иным, освобождается от излишней напряженности, получает обволакивающую убедительность. Конструкция речи от этого возврата вспять, конечно, страдает. Но разве речь существует, кроме логики, понуждающей к действию? Какая-либо другая логика, кроме логики, понуждающей к действию?

И когда оратор вторично добирается до вывода, приведя на этот раз к нему своих слушателей, не растеряв в пути никого, в зале физически ощущается та благодарная радость, в которую разрешается удовлетворенное напряжение коллективной мысли. Теперь остается пристукнуть еще раза два-три по выводу, — для крепости, дать ему простое, яркое и образное выражение, для памяти, а затем можно позволить и себе и другим передышку, пошутить и посмеяться, чтобы коллективная мысль получилась всосала в себя тем временем новое завоевание.

Ораторский юмор Ленина так же прост, как и все прочие его приемы, если здесь можно говорить о приемах. Ни самодовлеющего остроумия, ни тем более острословия в речах Ленина нет, а есть шутка, сочная, доступная массе, в подлинном смысле народная. Если в политической обстановке нет ничего слишком тревожного, если аудитория в большинстве своем «своя», то оратор не прочь мимоходом «побалагурить». Аудитория благодарно воспринимает лукаво-простецкую прибаутку, добродушно-безжалостную характеристику, чувствуя, что и это не так себе, не для одного лишь красного словца, а все для той же цели.

Когда оратор прибегает к шутке, тогда больше выступает нижняя часть лица, особенно рот, умеющий заразительно смеяться. Черты лба и черепа как бы смягчаются, глаз, переставая сверлить, весело светится, усиливается картавость, напряженность мужественной мысли смягчается жизнерадостностью и человечностью.

В речах Ленина, как и во всей его работе, главной чертой остается целеустремленность. Оратор не речь строит, а ведет к определенному действительному выводу. Он подходит к своим слушателям по-разному: и разъясняет, и убеждает, и срамит, и шутит, и снова убеждает, и снова разъясняет. То, что объединяет его речь, это не формальный план, а яс-

ная, строго для сегодняшнего дня намеченная практическая цель, которая должна занозой войти в сознание аудитории. Ей подчинен и его юмор. Шутка его утилитарна. Яркое словечко имеет свое практическое назначение: подстергнуть одних, попридержать других. Тут и «хвостизм», и «передышка», и «смычка», и «драчка», и «комчанство», и десятки других, не столь увековеченных. Прежде чем добраться до такого словечка, оратор описывает несколько кругов, как бы отыскивая нужную точку. Найдя, навешивает гвоздь и, примерив, как следует быть, глазом, наносит с размаху удар молотком по шляпке, и раз, и другой, и десятый, — пока гвоздь не войдет, как следует быть, так что его очень трудно бывает выдернуть, когда уж минует в нем надобность. Тогда Ленину же придется, с прибауткой, постучать по этому гвоздю справа и слева, чтобы расшатать его и, выдернув, бросить в архивную ломь — к великому огорчению тех, которые к гвоздю привыкли.

Но вот речь клонится к концу. Итоги подведены, выводы закреплены. Оратор имеет вид работника, который умаялся, но дело свое выполнил. По голому черепу, на котором выступили крупинки пота, он проводит время от времени рукой. Голос звучит без напряжения, как догорает костер. Можно кончать. Но не надо ждать того венчающего речь подъемного финала, без которого, казалось бы, нельзя сойти с трибуны. Другим нельзя, а Ленину можно. У него нет ораторского завершения речи: он кончает работу и ставит точку. «Если поймем, если сделаем, тогда победим наверняка», — такова нередкая заключительная фраза. Или: «Вот к чему нужно стремиться — не на словах, а на деле». А иногда и того проще: «Вот все, что я хотел вам сказать» — и только. И такой конец, полностью отвечающий природе ленинского красноречия и природе самого Ленина, нисколько не расхолаживает аудиторию. Наоборот, как раз после такого «неэффектного», «серого» заключения она как бы заново, одной вспышкой сознания охватывает все, что Ленин дал ей в своей речи, и раздражается бурными благодарными восторженными аплодисментами.

Но уже подхватив кое-как свои бумажки, быстро покидает кафедру Ленин, чтобы избежать неизбежного. Голова его слегка втянута в плечи, подбородком вниз, глаза скрылись под брови, усы торчат почти сердито на недовольно приподнятой верхней губе. Рокот рукоплесканий растет, кидая волну на волну. Да здра... Ленин... вождь... Ильич... Вот мелькает в свете электрических ламп неповторимое человеческое темя, со всех сторон захлестываемое необузданными волнами. И когда, казалось, вихрь восторга достиг уже высшего неистовства — вдруг через рев и гул и плеск чей-то молодой, напряженный, счастливый и страстный голос, как сирена, прорезывающий бурю: Да з д р а в с т в у е т И л ь и ч ! И откуда-то из самых глубоких и трепетных глубин солидарности, любви, энтузиазма поднимается в ответ уже грозным циклоном общий безраздельный потрясающий своды вопль-крик: Да з д р а в с т в у е т Л е н и н !

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. ПСС, т. 32, с. 267—268.

² На I съезде Советов было 105 большевиков из 1090 депутатов.

³ В самом деле, стенограф зафиксировал смех — см. ПСС, т. 32, с. 267.

⁴ См. ПСС, т. 32, с. 291.

⁵ И. Штейнберг, один из лидеров партии левых эсеров, в то время нарком юстиции.

⁶ Отъезд правительства из Петрограда в Москву состоялся 10 марта 1918 года.

В текстах сохранена авторская пунктуация.

«НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК», ИЛИ ДВЕСТИ ЛЕТ ОДНОЙ ИЛЛЮЗИИ

Краткий конспект исторической хроники

«Мы хотим заменить в нашей стране эгоизм нравственностью, честь честностью, обычаи принципами, благопристойность обязанностями... наглость гордостью, тщеславие величием души, любовь к деньгам любовью к славе... интригу заслугой, остроумие талантом... т. е. все пороки, все нелепости монархии заменить всеми добродетелями и чудесами республики.

Одним словом, мы хотим выполнить веления природы и осуществить судьбы человечества, сдержать обещания философии, отпустить грехи провидению за длительное господство преступления и тирании».

М. РОБЕСПЬЕР. «О принципах политической морали. Доклад в Конвенте». 17 плювиоза II года республики.

В 1762 году Жан Жак Руссо издает работу «Эмиль, или о воспитании». За религиозное вольнодумство она была приговорена к сожжению, Руссо был вынужден эмигрировать. Лишь через 5 лет он вернулся во Францию.

Сохранилась легенда о посещении Эрмононвиля юным Максимилианом Робеспьером. Это случилось в 1778 году, незадолго до смерти Руссо. Его, согласно легенде, поразил взгляд Робеспьера, твердый и непроницаемый. Что ж, похоже на правду, взгляд «Неподкупного» смущал многих...

Идея Руссо, изложенная в его сочинении, была гениально проста: ребенок может стать идеальным и совершенным, если его изолировать

от порочной социальной среды. Правда, иронически замечал Жан Жак, как это сделать, — разве что поместить его на Луну или необитаемый остров?

Екатерина II с «подачи» И. Бецкого восприняла эту мысль всерьез, учредив немедленно Московский воспитательный дом с целью создания «новой породы» людей. Поскольку «корень всему злу и добру воспитание, — полагала Екатерина, — ...единое токмо средство остается, то есть: произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, которые б детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, и от них дети передали б паки своим детям; и так следуя из родов в роды, в будущее веки.

Робеспьер предпринял куда более масштабную попытку воплотить в жизнь идеи Руссо (хотя и не скажешь, что более удачную). Экспериментальным полем он сделал всю Францию, объектом эксперимента — весь народ. Пушкин назвал его «сентиментальным тигром». (Кстати говоря, все тигры в истории были сентиментальными. Если уж тигр, то непременно сентиментальный.) Историки «робеспьеристы» сентиментализм Робеспьера объясняют влиянием руссоизма, а террор — общественно-политической необходимостью. Сам «Неподкупный» объяснял это по-иному.

Вот несколько его высказываний:

«Добродетель — душа демократии».

«Движущей силой народного правительства в революционный период должны быть добродетель и террор».

«Террор — это эманация добродетели».

«Террор — быстрая, строгая и непреложная справедливость, тем самым он является проявлением добродетели».

Да, взгляд у этого человека должен быть твердым. По замечанию Луи Блана, Робеспьеру не хватало слабостей, которые заставляют себя любить. И, говоря о милосердии, он наводил страх.

Революция продолжается уже несколько лет, но люди не становятся чище и добродетельнее. То там, то здесь, подобно румянам на внезапно побледневшем лице, проступает не искорененный еще порок. Робеспьер разочарован: где он, «новый человек»? Еще недавно в Учредительном собрании он выступал против смертной казни, теперь в якобинском Конвенте он становится апостолом террора как самого эффективного средства управления и воспитания.

Он настаивает на принятии чудовищного прерияльского закона, освобождающего обвинение от представления всяких доказательств и лишаящих обвиняемого всех средств защиты. Прерияль открыл эпоху Великого террора. Среди объявленных «врагами народа» и подлежащих гильотинированию декрет числил тех, «кто будет стараться ввести об-

публичное мнение в заблуждение, препятствовать просвещению народа, портить нравы, развращать общественное сознание». Современный читатель, сделав поправки на патетику, присущую Великой революции, легко обнаружит здесь сходство со знаменитой 58-й статьей.

Робеспьер был разочарован. Его пассивное поведение 9-го термидора, являющееся загадкой для историков, объясняется, думаю, не усталостью от борьбы, а охватившей его мизантропией. Он так любил человечество, что любить человека сил не доставало. Люди, которых он желал видеть добродетельно-счастливыми, не оправдали его надежд. Они упорно не хотели становиться «новыми».

Мудрец и скептик Анатоль Франс заметил, что те, кто желает сильно облагодетельствовать человечество, со временем приходят к выводу, что люди — это существа обезьяны. И тогда начинают рубить головы.

Вглядитесь в портрет Робеспьера, принадлежащий перу Жана Жореса: «В нем было нечто от священника и сектанта, невыносимая претензия на непогрешимость, тщеславие узкой добродетели, тираническая привычка обо всем судить по мерке своего собственного сознания, а по отношению к индивидуальным страданиям — ужасающая сухость сердца человека, одержимого идеей, который кончает мало-помалу тем, что смешивает свою личность с своей верой, интересы своего честолюбия с интересами своего дела».

Вам никого этот портрет не напоминает?

«В области коммунистического воспитания мы являемся, конечно, монополистами в полном смысле этого слова. Коммунистическое воспитание — величайшая сила. Когда мы добьемся того, что будем давать его детям, то это будет соответствовать в огромной мере выработке того нового человека, который является решающим фактором в нашей борьбе с буржуазией. Нам это полезно, а для буржуазии — это яд».

А. ЛУНАЧАРСКИЙ. «Система народного образования».

Да, через сто с лишним лет идею «нового человека», как эстафетную палочку, подхватила другая Великая революция. По-видимому, в этом есть закономерность. Ленин писал, что в революционные эпохи люди желают такого совершенно нового, чтобы в нем уже ни грана старого не было. Революционное нетерпение, вторгаясь в область нравов, по природе своей мало склонных к бурным трансформациям, производило в них разрушительную работу — «до основания», как поется в пролетарском гимне.

Ленин знал, что «строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми... это — работа многих лет и десятилетий». Он предупреждал: «Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи. Приходится только мечтать о том, чтобы очиститься от этой грязи». И предостерегал: «Было бы глупейшей утопией думать, что это можно сделать немедленно. Это бы-

ло бы утопией, которая на практике только отодвинула бы царство социализма на небеса».

И отодвинула — вместе с миллионами «старых», непригодных к «переделке» и «перековке», как тогда говорили, людей. Военно-коммунистическая идеология, покрыв собою деликатную и, можно сказать, интимную сферу социализации, потрясла ее куда больше, чем коллективизация — сельское хозяйство (странно, что до сих пор этот феномен не нашел своего исследователя). За Лениным явились люди, рожденные, «чтоб сказку сделать былью».

Во время работы XIII съезда РКП(б), в мае 1924 года, состоялся парад пионеров и митинг в честь переименования в «Детскую коммунистическую организацию имени В. И. Ленина», Это было внушительное зрелище: 10 тысяч детей, на трибуне временного Мавзолея весь президиум съезда, речи вождей...

Эрудит и умница Н. И. Бухарин докладывал съезду: «После того как они (пионеры. — Л. О.) несколько окрепли, они стали действовать по линии влияния на родителей, что чрезвычайно, потому что центр новой борьбы — это современная организация семьи. И здесь мы имеем детскую организацию, которая своими слабыми ручонками разрушает старые отношения в этой семейной организации, т. е. ведет медленный подкоп под самую консервативную твердыню всех гнусностей старого режима. Они стали созывать вместе со своими руководителями собрания родителей-рабочих. Родители сперва были выжидательно настроены, потом они стали эти собрания все более и более охотно посещать. Что развилось на этой почве? Процветало иногда битие этих маленьких детей за то, что они принадлежат к пионерам. Пионеры повели упорную, ожесточенную борьбу против этого. В результате была организована пятерка из представителей пионеров, комсомольцев и фабзавкома, которые обходили рабочих, бьющих своих детей, делали внушения, иногда привлекали к суду; таким образом создается новый тип отношений».

...Далее, мы имели такое громадное событие в нашей партийной жизни, как ленинский призыв. Пионеры, эти молодцы, во многих случаях оказывали такое влияние на своих родителей, что они тащили их в партию, заставляли записываться и делали все, чтобы склонить их к вступлению в партию».

В этом месте бесстрастный стенограф зафиксировал аплодисменты. Большевиков той поры идея, по выражению того же Бухарина, «создать новый тип людей» воодушевляла. Имелся человеческий материал, и он казался пластичным. Рычаг казался удобным, трансмиссия — послушной. Буржуазный хлам — чти отца и мать свою — отбрасывался за ненадобностью. Да что там отец, когда стране нужен хлеб.

Вмешательство такого фактора, как дети и вступавшие под их воздействием в партию родители, в политическую жизнь тех дней проливает дополнительный свет на психологию террора. Террористам ведь на-

добна среда, различающая лишь красный и белый цвета да слепящую демаркационную линию между старым и новым.

Не знаю, была ли платоновская Настя пионеркой, но она твердо знала, что следует «плохих людей всех убивать, а то хороших очень мало». «Ты вполне классовое поколение,— обрадовался Сафронов,— ты с четкостью сознаешь все отношения, хотя сама еще малолеток. Это монархизму люди без разбору требовались для войны, а нам только один класс дорог, да и мы класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента».

И вычистили. И когда «чистили», было кому отречься, не дожидаясь трехкратного петушиного крика. Объект воспитания, становясь «новым», переставал быть человеком.

«Отдельные молодые люди хотят пройти стороной от кипучей жизни... Буржуазные идеологи, наши враги обращают внимание и пытаются использовать в своих интересах именно таких незакаленных, восприимчивых к любой идеологической инфекции людей. Но таких, к счастью, у нас единицы».

Л. И. БРЕЖНЕВ.
«Отчетный доклад ЦК КПСС XXIII съезду КПСС».

Когда идея терпит крах и от нее со стыдом и смущением отворачиваются бывшие приверженцы, наступает время эпигонов. Возможно, последним, кто горячо веровал в концепцию «нового человека» был Н. С. Хрущев. Человек, рассчитавший наступление коммунизма к 1980 году, должен был создать и «моральный кодекс», без которого не мог обойтись его строитель. (Все это уже было. Был культ Верховного Существа, введенный Робеспьером. Декретировалось, что «культ, достойный Верховного Существа, заключается в выполнении человеком его обязанностей. Из этих обязанностей он считает первейшими: ненавидеть нечестность и тиранию, наказывать тиранов и изменников, помогать несчастным, уважать слабых, защищать угнетенных, делать другим все возможное добро и не быть ни к кому несправедливым...»)

Комитет общественного спасения повелел на фронтонах культовых зданий отчеканить слова нового евангелия. Ревнителю нового культа с радостью повиновались, и над дверьми церквей золотыми буквами начертали кодекс строителя капитализма. Разумеется, немедленно было возбуждено ходатайство об оплате служителей нового культа.

По словам А. Олара, «культ Верховного Существа, дискредитированный и ненужный, влачил жалкое существование, а когда исчез сам его первосвященник, то и он исчез вместе с ним».)

Вспомним бригады коммунистического труда и его ударников. Вспомним Валентину Гаганову и тому подобные почины. Все это обречено было на выход в тираж; идея была на излете, ибо время энтузиастов кончилось.

Началась эпоха лжи и скепсиса. Никогда прежде не было в стране такого количества воспитателей, как в 70—80-е годы. Будто экономические провалы непременно требовали идеологической сатисфакции (впрочем, и сегодня некоторые ученые рассматривают нравственность как кислородную подушку для задыхающейся экономики). Никогда прежде мы так много и так нудно не учили друг друга, как жить по-новому. Число специалистов в области коммунистического воспитания росло, как снежный ком. Помню лозунг «Коммунистическое воспитание — дело общенародное!»

Так, крупным деятелем в области формирования нового человека оказался Г. А. Алиев. В 1978 году он произнес программную речь на VI съезде учителей Азербайджана. По иронии судьбы, спичмены заставили его дважды пересечься с идеями великих французов. Сначала следовала прямая ссылка на мысль Руссо: «Верный способ испортить человека — это дать ему все и не требовать ничего».

Далее речь зашла о некоторых родителях, которые, понимаете ли, нетребовательно подходят к своим детям, некритически относятся к их знаниям, словом, «ведут себя неправильно». Рецепт исправления этих пресловутых «некоторых» был элементарен: «Школа обязана предупредить эти отклонения, пресекать их в зародыше...»

А что надлежит делать нетребовательным и некритическим родителям? Их тоже не оставили без назидания: «Родители должны хорошо понимать, что воспитание в семье — это не внутреннее, не личное дело каждого. Это конституционная обязанность гражданина...» Таким образом, на свет являлась бледная и пошлая тень знаменитого тезиса Дантона о том, что дети принадлежат прежде всего республике, а затем уже — родителям.

По-видимому, глубокая и содержательная речь Гейдара Алиевича запала в душу тому, кто в скором времени оказался на самом верху, и в 1984 году именно Алиеву поручают реформу школы. Чем это закончилось — всем известно.

Формированием нового человека не занимался только ленивый. В 80-х годах Юриздат выпустил в свет два издания учебного пособия «Политико-воспитательная работа в органах внутренних дел». Разница между ними заключалась, во-первых, в том, что первое оперировало решениями XXV съезда КПСС, второе — XXVI съезда; во-вторых, первое редактировалось генерал-лейтенантом, второе — генерал-полковником. Было, разумеется, и сходство: в обоих случаях пособие редактировал заместитель министра внутренних дел СССР Ю. М. Чурбанов. В 1980 году гражданин Чурбанов опубликовал книгу «Товарищ милиция» (издатель-

ство «Молодая гвардия»), где юношам и девушкам популярно объяснялось, что взятка — бяка.

Проблемы коммунистического воспитания не чужды были и его непосредственному начальнику. Н. А. Щелоков (кстати, мало кто знает, что Николай Анисимович был доктором экономических наук) выступил ответственным редактором трудов научной конференции «XXV съезд КПСС: проблемы социалистического образа жизни и укрепление правопорядка» (М., 1977), а также автором многих нравоучительных статей.

В июне 1983 года состоялся Пленум ЦК КПСС, посвященный идеологическим вопросам. «Советский человек, — по мнению докладчика (им был К. У. Черненко), — пламенный патриот и интернационалист, убежденный в правоте идеалов коммунизма. Его отличают активная гражданская позиция, кровная заинтересованность во всех государственных и общественных делах, инициативное, творческое отношение к труду... У нас есть все основания считать, что новый человек — это не только отдаленный идеал, но и реальность наших дней».

Этот по меньшей мере спорный вывод нуждался в эмпирическом подтверждении. И за ним дело не стало: в том же 1983 году Институт социологических исследований АН СССР издает коллективную монографию под характерным заголовком «Измерение уровня коммунистической воспитанности трудящихся». Социологи провели огромную работу, опросив кучу людей. Опросный бланк включал в себя 10 проблемных блоков — от «идеологической воспитанности» до «общественно-психологической воспитанности».

В общем и целом вывод К. У. Черненко соответствовал истине. Так, «по отдельным идеологическим положениям» респонденты показали следующие знания: главный принцип внешней политики — 90%, национальная политика — 80%, охрана социалистической собственности — 81% и т. д. В среднем — 71%, что, согласитесь, нехудо.

Чуть слабее оказалась «мировоззренческая воспитанность». «Законы развития природы» твердо знали 77% опрошенных, однако «критичность по отношению к идеализму» неожиданно обнаружило только 30%. На круг вышло 55%. Куда лучше обстояло дело с представлениями о нормах социалистического общежития. Твердо верили в коллективизм 84%, в приоритет общественных интересов над личными — 95%, «о необходимости быть активным оптимистом» (так в тексте! — Л. О.) информировано 53%. Тут была очевидна некая недоработка идеологов: недоразъяснили необходимость, в результате народ заколебался и стал нетверд в оптимизме.

Напомню, все это писано в 83-м, когда застой, одышливо гримасничая, добрал до пика, с которого открывался захватывающий вид головокружительной бездны. При Черненко мы, будто охваченные сомнамбулизмом, беспечно постояли на краю. Впрочем, сам он жестом Державина на выпускном вечере лицеистов успел прикрепить орден к знамени комсомольской организации Советской Армии и Военно-Морского Фло-

та — «за плодотворную работу по воспитанию армейской и флотской молодежи». О «дедовщине» тогда не говорили, молчаливо относя ее к «отдельным недостаткам», никак не отменяющим факта плодотворности.

Поистине, комвоспитание — бессмертное ремесло. Уже явлены миру «высочайшие образцы» и «героические свершения», а все неумется. Просто странно, что предложенное М. С. Горбачевым «новое мышление для страны и всего мира» воспринимается прежде всего всем миром, страна же по инерции продолжает безостановочный процесс воспитания и самовоспитания. Полки библиотек полнятся руководствами по формированию нового человека — уже в «духе решений» XXVII съезда, XIX партконференции, очередного Пленума, подоспевшего как раз накануне подписания в печать.

Один автор «прослеживает соотношение таких категорий, как «классовая солидарность», «рабочая солидарность», «революционная солидарность», «социалистическая солидарность» и «международная солидарность трудящихся». Почтенное занятие, смысл которого был бы понятнее, когда бы мы употребляли эти понятия на что-нибудь иное, нежели оформление праздничных транспарантов.

Другой тится убедить нас, будто «торжество принципов классового воспитания — объективный закон духовного прогресса». Так уж и «объективный»... Так уж и «прогресса»...

Третий доказывает (кому? те, кто его читает, не испытывают сомнений), что «для формирования нового человека в социалистическом обществе созданы все условия». И перечисляет их: «Во-первых, экономическая, социально-политическая и идеологическая общность советского народа; во-вторых, наличие единого социалистического сознания; в-третьих, громадный политический опыт трудящихся масс; в-четвертых, высокий общеобразовательный и культурный уровень населения; в-пятых, наличие многочисленных кадров воспитателей, педагогов, партийных и комсомольских работников; в-шестых, партия, весь народ имеют в своем распоряжении глубоко обоснованную, научную программу воспитания идейно закаленного человека».

Полно! Можно ли так категорично говорить об общности, когда страна раздираема экономическими, социально-политическими и идеологическими противоречиями? Разве верность коммунизму заключается в том, чтобы так высоко и непринужденно парить над действительностью?

Наличие сознания отрицать не приходится, но является ли оно в самом деле «единым» и «социалистическим»? Не сон ли это, не утренний ли туман?

О каком таком «громадном политическом опыте» идет речь, когда повсеместно признают, что демократии мы только учимся? Десятилетиями народ был мертв в политике — уж не тогда ли нарабатывался опыт? И если у населения действительно высокий культурный уровень, то о чем хлопочет академик Лихачев? Выходит, о пустом.

Не стану спорить: воспитывающих кадров у нас много, может быть, даже с лихвой. Но откуда взялась их «высокая квалификация»? Как-то так сложилось, что подавляющее большинство секретарей парткомов по идеологии принадлежат к лучшей половине человечества. Не знаю, чем это объяснить. Возможно, в ходе длительной эволюции и жесткого естественного отбора женский организм успешнее адаптировался к постижению таинств марксизма-ленинизма и практике демократизации. Трудно сказать, к счастью это или к несчастью для воспитательной работы, во всяком случае, на сегодняшних митингах, открывающих безбрежный простор для ваяния из несознательных неформалов «новых людей», голоса наших идеологинь не слышно.

А наше убогое, издерганное учительство, возглавляемое полунедоразогнанной Академией педнаук, на дух не переносящее шаталовых и щетининых, с беспамятымством попки твердящее зады... И на его-то хрупких плечах может покоиться дело коммунистического воспитания? Посильно ли бремя?

Наконец позволительно спросить: все условия для классового воспитания налицо, а где его результаты? Предъявите, если можете. Ситуация своей парадоксальностью напоминает рассказанный Гейне анекдот про человека, который отправился посмотреть на чудовище, расписанное в газете и родившееся якобы от карпа и кролика. Когда он прибывает на выставку и спрашивает: «Где чудовище?», ему отвечают: «Мы его отправили в кунсткамеру. Но вот карп и кролик, можете убедиться сами».

Похоже, когда целина поднята, БАМы построены, а великие повороты рек не предвидятся, то есть обнаруживается отсутствие зримых результатов коммунистического воспитания, нам, как карпа и кролика, предъявляют его условия. За этими манипуляциями кроется затруднительный для прямого ответа вопрос: «Вы что, нам не верите?»

Как-то так получается, что не кто иной, как «новый человек» (подозрительно смахивающий на «снежного»), придал земле своей сходство с лунным ландшафтом, поразил русскую деревню безлюдьем, города — смогом, магазинные полки — пустотой, души — апатией.

На Съезде народных депутатов СССР много говорилось о нападках на партию и вбивание клинцев между партией и народом. Желая быть правильно понятым, внимательно перечел написанное на предмет ненападения и невбивания, и вижу, что критике не хватает конструктива. В качестве такого хотел бы предложить: давайте отбросим комбольтливость о комвоспитании. Идея «нового человека» за двести лет доказала свою бесплодность вполне. Более того, она опасна, ибо предполагает иерархию: мы «новые», а вы не вполне, сейчас мы вас доведем до кондиции.

Лучше новое мышление «старых», как они есть, людей, чем старые предрассудки «нового человека». Отринем самонадеянную мысль, будто мы, коммунисты, уже в силу принадлежности к партии приобретаем

право первородства и, стало быть, старшинства. Диалог, предполагая равенство сторон, исключает дидактику.

Начнем движение заново, из другой точки и по направлению, как сказал бы поэт: «...От молодых еще воронежских холмов к всечеловеческим, ясным в Тоскане». Все вместе — без высокомерного разделения на слепых и поводырей.

Великой Французской революции — 200 лет. Перестройка, продолжая революционный процесс, наследует ее лучшие традиции, но отбрасывает мифы, замешанные на крови. «Новый человек» умер, удовлетворился просто человеком.

СОДЕРЖАНИЕ

Мера закона и безмерность беззакония	3
Не бросая тени на живых и не отнимая чести у мертвых	8
До и после оаций	17
Лениниана: «неизвестные» страницы	27
«Новый человек», или двести лет одной иллюзии	38

ОВРУЦКИЙ Лев Мирович

ДО И ПОСЛЕ ОВАЦИЙ

Редактор В. Л. Воевода

Технический редактор Т Я. Ковынченкова

Сдано в набор 15.08.89. Подписано к печати 4.10.89.
Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».

Офсетная печать.

Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,28.

Тираж 150000 экз. Заказ № 1114. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**● ЕСЛИ ВЫ СМЕНИЛИ
МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА...**

**...не торопитесь получить деньги
со своего счета!**

Вы можете дать поручение перевести свои сбережения в любое учреждение Сберегательного банка СССР для зачисления на счет по вкладу или для выплаты переведенной суммы.

Перевести можно весь вклад или его часть, а также наличные деньги для выплаты их в учреждениях Сберегательного банка СССР других городов и районов.

Вы можете получить вклад до поступления перевода на основании телеграфного подтверждения, а также затребовать перевод вклада по телеграфу.

ПРАВЛЕНИЕ СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО БАНКА